КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА.
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ АКАД. **Б. А. Тураева.**

ВЫПУСК ШЕСТОЙ.

В. В. СТРУВЕ.

ИЗРАИЛЬ В ЕГИПТЕ.

С РИСУНКАМИ.



ПЕТРОГРАД.
1920.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА
под общей редакцией акад. Б. А. Тураева.

Выпуск 6.

В. В. СТРУВЕ.

ИЗРАИЛЬ В ЕГИПТЕ.

С РИСУНКАМИ

ПЕТРОГРАД.
1920.

Издание М. и С. САБАШНИКОВЫХ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Мое исследование, посвященное одной из самых основных проблем праистории Израиля, нуждается еще в целом ряде существенных дополнений. Таковые будут прибавлены ко второму изданию моей книжки, которое появится, надеюсь я, скоро при наступлении более благоприятных условий. К настоящему же изданию моей брошюры я прошу отнестись снисходительно. Многие недочеты, как то неудовлетворительная транскрипция египетских и семитических слов, неполнота научного аппарата в примечаниях и т. п. вызваны современным положением книгопечатания. Считаю приятным долгом принести мою глубокую благодарность учителю моему акад. Б. А. Тураеву, коллеге моему В. К. Шилейке за многочисленные пояснения и советы и К. В. Аркадакскому за содействие и помощь в деле издания моего исследования.

В. Струве.

ПЕТРОГРАД.
1919 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

Одним из самых ярких эпизодов Св. писания является рассказ о пребывании Израиля в Египте. Полна драматизма и в то же время трогательных мотивов повесть об Иосифе, о чудесном возвышении его при дворе фараона и спасении им родной семьи дарованием пастбищ на тучной земле Мицраима. Полон острого и жуткого интереса рассказ о бедствиях избранного Богом народа в Египте, о мести грозного Яхве стране фараона и о бегстве Израиля со своим великим вождем, чтобы в пустыни Востока снова сделаться свободным народом.

В свое время все эти рассказы приковывали внимание читателя, конечно, не только своей занимательной фабулой, но и своей достоверностью. Все видали в них правдивое описание подлинных событий праистории Израиля.

Теперь взгляд на историческую ценность первых страниц Библии сильно изменился.

Признавая всю художественность повествования, современная историческая критика не признает традицию Св. Писания праистории Израиля достоверным источником. Она находит в сведениях Библии о пребывании евреев в Египте ясные и отчетливые признаки сказаний в лице обильного фантастического элемента и многочисленных фольклористических мотивов, а поэтому не может пользоваться ими в качестве материала для исторических построений. Пребывание Израиля в Египте, постулированное одними данными Свящ. Писания, никогда не может быть рассматриваемо, как доказанный исторический факт. Единственная возможность превратить содержание сказаний Библии в цепь достоверных исторических фактов, это подтверждение сведений книг Бытия и Исхода египетскими текстами. Задача моего на-

стоящего исследования сведется поэтому к установлению всех свидетельств египетских текстов, которые могли бы быть поставлены в связь с пребыванием Израиля в долине Нила. На этот же путь исследования египетских текстов стал уже в III стол. до Р. Х. египетский историограф Манефон, который под влиянием Александрийских евреев заинтересовался вопросом о пребывании их предков в Мицраиме и стремился это событие отожествить с тем или другим фактом истории родной страны. Первое событие, с которым Манеѳон отожествил приход и исход Израиля, явилось известное завоевание Египта Гиксосами и их последующее изгнание. Но это отожествление Гиксосов и Израиля не соответствует исторической действительности. Гиксосы соответствуют, как это мне удалось доказать Хоритам (пр. 1), племени, населявшему Палестину до прихода туда Израильтян. Единственная связь, которая может быть допущена между Гиксосами-Хару и Израилем, это та, что, смешиваясь с покоренными Хоритами, Израиль перенял и исторические традиции этого народа, цари которого носили имена, как „Якоб-хир“, т. е. „Яков-доволен“, или „Сим-кен“, т. е. „Сим-могуч“ (пр. 2.) Но если мы, таким образом, должны отказаться от первой Манеѳоновской версии пребывания Израиля в Египте, то зато его вторая версия заслуживает бо́льшего внимания. Она реже чем первая приводится в общих трудах и потому я считаю нелишним привести ее in extenso из эксцертов Иосифа Флавия в его полемике с Апионом, (пр. 3).

„Царь Аменофис, говорит он (т. е. Манеѳон), имел желание созерцать богов, подобно Гору, одному из прежних царей, и это свое желание он сообщил своему тезке Аменофису сыну Паапия, который казался божественной природы вследствие мудрости и провидения будущего. Этот тезка ему сказал, что он сможет узреть богов, если он очистит всю страну от больных проказою и прочих людей, оттягченных проклятием. Тогда царь очень обрадовался и собрал всех больных, — их же было 80.000 человек — и послал их в каменоломни к востоку от Нила, чтобы там работать, и были среди них также, говорит он, и несколько жрецов, больных проказой. Мудрый и обладающий даром ясновидения Аменофис боялся за себя и царя гнева богов, если их заставят дать узреть себя, и кроме того он провидел, что оттягченные проклятием получат помощь и 13 лет будут господствовать над Египтом. Сказать это царю он не

осмелился. Он записал тогда это и кончил самоубийством. Царь пал духом. Затем же он (т. е. Манеѳон) писал дословно так: „Когда же прошло достаточное время, то посланные в каменоломни стали просить царя уступить им для отдыха и для убежища оставленный пастухами город. Город был согласно древнему богословию Тифоновский. Прибыв в этот город и владея этим местом, удобным для восстания, они поставили своим вождем одного из Илиопольских жрецов, Осарсифа. Они поклялись ему во всем повиноваться. Он же постановил для них в качестве первого закона, ни оказывать почести богам, ни воздерживаться от мяса животных, особенно почитаемых в Египте, и также не иметь сношения ни с кем кроме заговорщиков. Дав эти законы и еще многие другие весьма противоположные египетским обычаям, он приказал, трудом многих рук, отстроить стены города и быть готовыми к войне с царем Аменофисом. Сам же он, призвав к себе прочих жрецов и оттягченных проклятием, послал послов к пастухам, изгнанным Тутмосисом, в названный город Иерусалим. И, указав им на те унижения, которым он и прочие подвергались, он просил их, чтобы они вместе (с ним) совершили поход на Египет“... Те соглашаются и приходят к нему на помощь...

„Аменофис же царь Египта, когда он узнал о походе тех, не мало опечалился, вспомнив предсказание Аменофиса, сына Паапия. И собрав сперва массу египтян и посоветовавшись с их вождями, он собрал священных животных, особенно тех, которые почитались в храмах, и приказал жрецам тщательно скрыть изображения богов, доверил другу своего пятилетнего сына Сетоса, который назывался также Рамсес, а сам выступил с прочими египтянами, около 300.000 воинов. Но он не решился сразиться с встретившимся врагом, но полагая, что он будет сражаться против воли богов, возвратился в Мемфис, взял Аписа и прочих там собранных священных животных и отправился скоро со всем войском и многочисленными египтянами в Эфиопию. Царь Эѳиопии принял его и весь народ ласково и помог ему против врагов. Соламиты же вместе с прокаженными из Египта, придя в Египет, так безбожно обращались с людьми, что их победа казалась величайшим несчастьем для тех, которые видели тогда их кощунства. Они не только жгли города и деревни, грабили храмы и разбивали изображения богов, но даже обратили святое святых в очаги, на которых они жарили священных животных. Устроителем их государства и зако-

нов был, говорят, жрец Илиопольского рода, по имени Осарсиф, от Илиопольского бога Осириса, а когда он перешел к этому роду, он переменил имя и был назван Моисей. Через 13 лет, согласно предсказанию, возвратился Аменофис с большим войском из Эфиопии и сын его Рамсес пришел к нему на помощь. Оба они победили пастухов и прокаженных и изгнали их в Сирию".

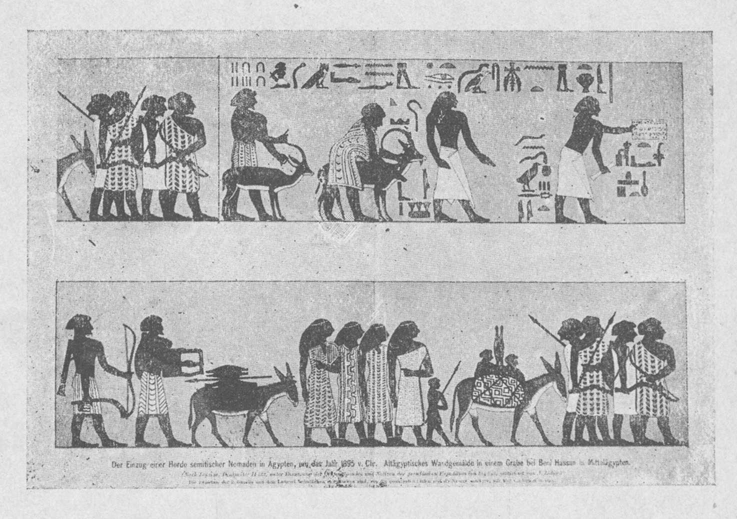
Эта версия Манеѳона отожествляет пребывание народа Яхве в долине Нила одновременно с несколькими событиями египетской истории и с известной религиозной реформой Эхнатона (царь Аменофис и Аменофис сын Паапия известный государственный деятель эпохи царя Аменофиса III, отца Эхнатона) и со смутами перехода от XIX к XX дни. (Сетос и Рамсес) и наконец с ассирийским завоеванием (бегство в Эфиопию и помощь Эфиопов). Это разнообразие версий указывает нам на то, что уже сам Манефон не нашел в своих источниках прямого указания на решение интересующего его вопроса. И это обстоятельство предупреждает нас с сугубою внимательностью просматривать материал, дабы не пропустить хотя бы малейший намек, или, если таковой не найдется, то со спокойной совестью отложить проблему о пребывании Израиля в Египте к числу неразрешимых.

Таблица I.



Сфинкс египетского царя, узурпированный Гиксосами.

Фас.



Приход 37 семитических кочевников в Египет ок. 1900 г. д. Р. Х

Глава I. Проблема—„евреи—срг“.

Прежде чем перейти к проблеме о евреях и тесно связанным с ней вопросом о приходе Израиля в Египет при Аменофиле III или IV, согласно второй версии Манеѳона, нам придется посвятить несколько слов этническому составу Палестины до вторжения туда еврейских племен. Источниками подобного этнографического обзора должны служить памятники Египта, как древнего, так и среднего царств, освещающие историю Сирии и Палестины уже с эпохи царя Снофру, т. е. с 2900 г. до Р. Х. (пр. 4). Из их изображений и надписей мы узнаем и о населении Палестины (пр. 5). Это население было семитическим по языку (пр. 6), но по своим соматическим признакам оно отличалось уже тогда от чистых семитов. Лица их в профиль (таб. 1) удивительно напоминают современных евреев, тот же уходящий назад лоб с сильно изогнутым носом (пр. 7). Этот тип, свойственный также и армянам, рассматривается Luschan'ом характерным не для семитической расы с ее более тонкими чертами лица, но для короткоголовой малоазиатской расы (пр. 8).

Если такой антропологический тип встречается уже на памятниках древнего царства (пр. 9), то мы должны предположить, что смешение этих двух рас, из которых одна, семитическая победила лингвистически, а вторая малоазиатская (пр. 10) соматически, восходит к весьма отдаленному прошлому. Зато начиная с эпохи древнего царства вплоть до исхода среднего, т. е. в течение почти полутора тысяч лет население Сирии и Палестины оставалось более или менее устойчивым, по крайней мере стереотипный желтоватый азиат-семит остается на египетских памятниках единственным представителем народов севера.

Дело резко меняется лишь в эпоху перехода от среднего к новому царству, т. е. около XVIII столетия до Р. Х. С этого сто-

летия Сирия и Палестина становятся ареной борьбы новых народных масс, шедших почти одновременно с севера, из Малой Азии и с юга, из Аравии. Малоазиатская тогда волна докатилась до самого юга Палестины. Вскоре она столкнулась с новой семитической волной в лице Хиксосов-хоритов, завоевавших Египет, а затем захвативших Палестину и Сирию, опираясь на помощь родственных им аморитов. Создается сильная аморито-хоритская держава, охватившая на короткое время, вероятно, почти всю Азию. Но мощь ее быстро распалась под ударами окрепнувшего и освободившегося Египта, и м. б. под давлением Митаннийской державы, усилившейся притоком новых народных сил, теперь, арийских, может быть (пр. 11). Арийцы начинают просачиваться сперва лишь небольшими ручьями, в качестве наемников, знаменитых марианна египетских текстов (пр. 12). Впоследствие когда остатки Аморейской державы в лице Кадешского княжества пали под ударами Тутмоса III, приток арийцев и хеттов усилился и хеттско-арийское влияние стало сказываться все интенсивнее, что придавало конечно еще большую пестроту этнографической карте Ханаана (пр. 13). Эта этническая разнородность Палестины и Сирии ярко засвидетельствована нам двумя группами источников. Первая группа представлена известными изображениями чужеземных народов на стенах гробниц вельмож среднего периода XVIII дин. приблизительно середины XV стол.; во вторую же группу входят документы знаменитой Амарнской переписки, относящейся к концу XVIII дин., т. е. к рубежу XV и началу XIV столетий. Первая группа источников, а именно изображения чужеземных народов издана, не сполна и далеко неудовлетворительно и поэтому надо пользоваться ею с известной осторожностью.

Наиболее интересными и исчерпывающими для нашей цели являются изображения гробниц Менхеперра-Сонеба и Амунесеха (пр. 14). Мы видим здесь в тех рядах, которые посвящены народам Сирии, представителей самых разнообразных этнических типов. Самые различные оттенки цвета кожи, начиная с почти белого, кончая коричневым, волосы черные, рыжие и даже белокурые; профили семитические, малоазиатские, и может быть даже арийские; самые разнообразные прически, лица бородатые и бритые, и чрезвычайное многообразие костюмов. Получается столь пестрая и хаотическая картина, что почти невозможно внести хоть какой-нибудь порядок в нее (пр. 15). Поэтому мы не в со-

стоянии локализовать на основании данных изображений центр тяжести расселения семитов, или малоазиатов. К такому же отрицательному выводу мы приходим на основании знаменитой Амарнской переписки (пр. 16). Она вводит нас в область, где пользуются правом гражданства самые различные наречия. Правда, здесь, как то легче внести известный порядок в хаос многообразия. До известной степени будет правильным наблюдение, что чем ближе к югу, тем сильнее выступает семитический элемент, чем дальше к северу, тем сильнее малоазиатский. Но это наблюдение приемлемо лишь с весьма большими оговорками, ибо и в южной Палестине имеется ряд городов, правители которых пишут или на языке несемитическом, или же на столь испорченном семитическом, что он с трудом понятен (пр. 17).

И вот в эту разноплеменную Сирию и Палестину вторгаются по свидетельству Амарнских табличек новые племена, которые своим появлением вносят окончательный хаос в спутанный узор этнической карты этих стран. Большинство из писем, упоминающих новых врагов, пишет имя их идеографически „люди SA-GAZ“ (пр. 18), В письмах же князя Иерусалима Абд-Хипы (пр. 19) упоминается в той же роли, что и „люди SA-GAZ“ племя „Ha-bi-ru“. H. Winkler первый издавший Амарнскую переписку уже рано высказал догадку о тожестве „людей GA-GAZ“ и „Ha-bi-ru“. И эта догадка его была блестяще подтверждена данными из новой находки архива Хетских царей в современном „Boghaz-Köi“. Здесь нашлись между прочим и несколько договоров между Хетской и Митанийской державами. В договорах перечислены в длинных списках боги свидетели и среди них в явно параллельных местах „am Schlusse einer sonstrein hethitischen Gôttergruppe“ названы в одном из договоров „ilani ha-ab-bi-ri“, а в других „ilani SA-GAZ“ (пр. 20). Из этого факта с очевидностью вытекает тожественность значения этих двух различных написаний и таким образом мы получаем в лице народа „SA-GAZ“—„ha-bi-ru“ весьма крупный, многолюдный народ, или же большую группу родственных племен, которые могли угрожать Сирии и Палестине, начиная с далекого севера, и кончая крайним югом и которые играли известную роль даже в споре крупных мировых держав того времени, какими являлись Митаннийское и Хеттское государства.

Они создают Абдаширте и сыну его Ациру, князьям, сидящим в Дамаске, их царство, которое простиралось от

Вавилонии до берегов Средиземного моря, и являлось преемником Кадешского княжества. Очень возможно, что и Абдаширта и Ациру сами являются habiru и если один из них в письме фараона назван амореем (пр. 21), то лишь потому, что он завоевал эту страну (пр. 22).

На юге Палестины, независимо от этих северных Хабиру, действуют другие Хабиру. Они выступают здесь в качестве союзников князя Сихема, хета Лабии, злейшего врага верного слуги фараона князя Иерусалима Абдихипы. Лабиа вероломно предает Хабиру Сихем и удары этих двух союзников чувствуют владение фараона вплоть до Сеира, гор. Эдома (пр. 23). Но если мы можем считать доказанным отожествление SA-GAZ и habiru, то перед нами встает другая проблема, также возникшая тотчас же с появлением Амарнской переписки и тогда же решенная положительно некоторыми исследователями (пр. 24), а именно вопрос об отношении SA-GAZ—habiru к „евреям" Библии. Само собой понятно, что этот чрезвычайно важный вопрос вызывал первоначально самые ожесточенные споры, но теперь его уже можно, как и предыдущий вопрос считать решенным. Большинство из ученых уже не колеблется признать идентичность habiru и cbr-евреев (пр. 25). Но если тожество habiru и евреев является окончательно упрочившимся в науке, то нельзя того же сказать о тожестве египетских cpr и библейского cbr—еврей. Между тем спор о возможности сопоставить cpr и cbr длится дольше, чем предыдущий о тожестве habiru и cbr. Chabas, один из первых проложивших путь к пониманию иератического письма (пр. 26) прочел в нескольких папирусах упоминание о народе cpr и сопоставил их уже в 1862 г. с Библейскими „cbr" (пр. 27). Но его остроумная догадка вызвала целый ряд ожесточенных нападок, как раз со стороны египтологов. Brugsch полагал на основании свидетельства одного текста, что cpr являлся народом, сидящим в так называемой арабской пустыне против Мемфиса (пр. 28). Ed. Meyer сопоставил cpr папирусов Chabas с словом cpr одного текста XIII дин., обозначающим корабельных рабочих, матросов и являющимся производным от египетского глагола cpr „работать над кораблем" (пр. 29). Если же в текстах, приводимых Chabas слово cpr детерминируется бумерангом, как нечто чужеземное, то из этого по мнению Ed. Meyer'a только следует, что в данном случае рабочие рекрутировались из иноземных крепостных (пр. 30). Wiedemann пришел к аналогичному выводу. И эта отрицательная точка

зрения осталась господствующей в египтологии, так напр. Breasted в своих Ancient Records (т. IV, § 280) по поводу cpr в папирусе Харрис заявляет: „These are the people supposed by Chabas to have been Hebrews, a theory long since exploded“.

Последний из египтологов, пытавшийся ответить на этот вопрос был M. Burchardt в своем ценном труде о следах Хананейского языка в египетских текстах. Он сопоставляет (т. II, стр. 14) египетское cpr с библейским „cpr“ одним из Мидианикитских племен. Boehl также занялся этим вопросом и результат своего исследования формулировал следующим образом: „Sprachlich unwahrscheinlich, sachlich verlockend, chronologisch unmöglich ist die Gleichsetzung der cpr — Leute, mit den Hebräern aufzugeben“ (пр. 31). И эта формулировка считается теперь последним и решительным словом науки (пр. 32).

Вопрос об людях cpr между тем настолько важен, а в особенности для правильного решения нашей проблемы, что придется все же пересмотреть решение его и мне думается, взгляд Chabas заслуживает бо́льшего внимания, чем то, которое ему до сих пор уделялось. Обратимся сперва к тем источникам, которые упоминают этих cpr. Первым текстом является список иностранных областей в анналах Тутмоса III. Там перечислены среди местностей или племен Азии 2 cpr, cpr великое и cpr малое (пр. 33). К сожалению местности в этих списках перечислены без какого-либо видимого принципа, и поэтому из них мы ничего не можем узнать о местоположении этих cpr. Единственное, что можно установить, это то, что юг Палестины Негед не входил в списки аннал (пр. 34) и потому cpr большой и малый надо искать к северу от него. К той же эпохе Тутмоса III относится может быть и историческая сказка P. Harris 500, о взятии Тутием, генералом Тутмоса III города Иоппы (пр. 35). В разговоре с князем Иоппы Тути упоминает и об cpr „Пожалуйста, обращается он к царю азиатского города, пока я побуду с женами и детьми твоего города пусть войдут спутники мои с конями, чтобы дать им место, или пусть один из Апуру (cpwira) сбегает туда, где они находятся“ (нр. 36). Не ясно из данного контекста, к кому относился данный Апуру, или к князю Иоппы, или же к Тутию. Более важными, чем эта сказка являются два Лейденских папируса. В одном из них писец Каусер доносит следующее своему начальнику Бекенпта: „Чтобы обрадовать сердце моего

господина. Я послушался приказа, который дал мне мой господин: „дай продовольствие солдатам и людям—cpr, которые тащут камни для великой крепости храма (может быть города) Рамсеса-Мери-Амон любимца Маат (пр. 37). Другим текстом является также деловое письмо некоего Кенуамона своему начальнику, заведывающему конюшней Гуи со следующим сообщением: „Я выполнил приказ, который господин мой дал: „дай продовольствие солдатам и Апуру, которые тащут камни для Ра, и именно для Ра Рамсеса-Мери-Амон в южном квартале Мемфиса“ (пр. 38). Оба текста восходят к эпохе Рамсеса II. От эпохи XX дин. мы имеем упоминание об Апуру в большом папирусе Харрис, в котором перечислены дары Рамсеса III богам Египта. Одному из главных богов египетского пантеона Атуму-Ра богу Илиополя, он дарит наряду с другим и 2093 крепостных и среди них имеются и cpujra (пр. 39). От его сына Рамсеса IV дошла до нас Хамаматская надпись, датированная 4 годом его правления об экспедиции в тамошние каменоломни. Среди многочисленных участников этой экспедиции перечислены и 800 cpr из лучников местности Анут (пр. 40). В текстах последних Рамессидов Апуру больше не упоминаются. Эти 6 текстов исчерпывают пока материал, на основании которого мы должны решить вопрос о тожестве cpr и cbr, т. е. евреев. Обратимся сперва к филологической стороне вопроса. Возможно ли фонетически установить тожество между cpr и евреями. Предварительно надо предпослать, что все выше перечисленные различные написания этих людей—cpr в египетской транскрипции, как то cpujira не имеют никакого значения, они об'ясняются особенностями так называемого силлабического письма, служащего для написания иноземных слов (пр. 41) и мы можем поэтому ограничиться рассмотрением и сопоставлением трех радикальных cpr и библейского cbr. Египетское c, вполне соответствует семитическому c и этимологически и в транкрипции иностранных слов (пр. 42). Египетское r могло вполне соответствовать семитическому r (пр. 43). Единственное затруднение доставляет сопоставление египетского p и семитического b. Египетское p этимологически соответствует семитическому p (пр. 44). Этимологически поэтому будет вероятнее тожество народа cpr с Мидианитским племенем cpr упоминаемого в кн. Быт. 25, 4 (пр. 45). Но если мы этимологически не имеем аналогий, то зато в транскрипции семитических слов имеем примеры замены семи-

тического b египетским p (пр. 46). В данном же случае подобная замена могла тем легче произойти, что транскрибируя библейское cbr—евреев,—cpr, а не cbr, египетские писцы сопоставляли их с египетским глаголом cpr, который иной раз пишется также фонетически (а не идеографически), как и люди cpr. А на подобную игру слов египтяне, подобно прочим народам востока, большие любители. В виду всего этого, я считаю отожествление cpr и фонетически вполне возможным. Что же касается содержания свидетельств о людях cpr в особенности в текстах времени Рамсеса II, III и IV, то оно согласуется с тем, что нам повествует Священное Писание о муках и работах евреев в Мицраиме. Следовательно, с этой стороны тожество cpr и cbr—евреев должно быть прямо постулировано (пр. 47).

Остается лишь рассмотреть хронологическую и историческую возможность отожествления. Habiru—евреи появляются в эпоху Тель-Амарны, т. е. в начале XIV стол. в качестве врага, угрожающего со всех сторон Сирии и Палестине, причем успехи, которые ими уже тогда были достигнуты, были довольно значительны. Невероятно, поэтому, и даже невозможно предположение, что до XIV века они совсем не проявляли своей деятельности в Палестине и Сирии и появились здесь лишь в эпоху упадка египетского могущества. К счастью, этот вопрос можно разрешить теперь вполне достоверно, путем археологических данных.

Результаты раскопок в Иерихоне теперь опубликованы и мы знаем на основании их, что „das Kanaanitische Iericho ist spätesteus um 1500 zerstört“ (пр. 48). Кто же разрушил этот город, как не евреи, о завоевании которыми Иерихона свидетельствует и Ветхий Завет (пр. 49). Следовательно. евреи появились в Палестине уже значительно раньше XIV в., чуть ли не в XVI в. Поэтому невероятным будет предположение, что египтяне до XIV в. совсем не знали этих племен, в особенности принимая во внимание те многочисленные походы, которые предпринимались фараонами XV стол. Тутмос III должен был быть знакомым с евреями и должен был их перечислить в своих списках. И вот мы, действительно, находим здесь две местности или два племени, названные cpr (большой и малый). Эти cpr должны быть сопоставлены с евреями, ибо другая вышеуказанная возможность фонетического отожествления отпадает. Списки Тутмоса III перечисляют согласно W. M. Müller'у (пр. 50) лишь местности к северу от центральной Іудеи.

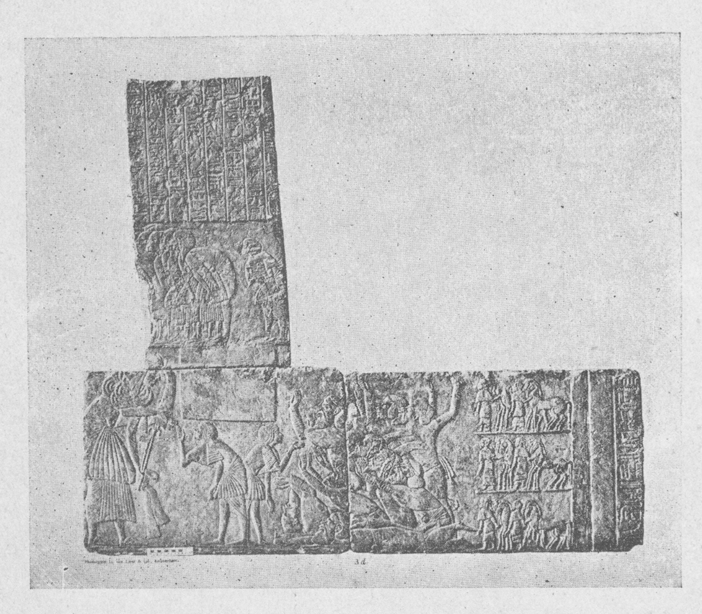
Поэтому и cpr большой и маленький должны были лежать к северу от этой линии и таким образом не могли быть сопоставлено с библейским cpr, одним из Мидианитских племен, живущих долеко на юге не говоря уже о том, что это последнее было слишком незначительно для упоминания его в списках. Кроме того, свидетельство Тутмоса III о 2 cpr великолепно согласовалось бы с той картиной еврейского нашествия, которую рисуют Тель-Амарнские таблетки. Мы уже видели, что вторжение протекает двумя волнами, одна оперирует на севере, в лице племен, группирующихся вокруг Абд-Аширты и Ациру, а на юге особая волна, с которой приходится бороться Абдихипе князю Иерусалима, причем этому последнему Хабиру юга представляются вполне самостоятельными от SA-GAZ-хабиру севера (пр. 51). С этим фактом самостоятельности Хабира юга и Хабиру-SA-GAZ хорошо согласуется и свидетельство Тутмоса III, различающее два племени cpr, cpr малый и cpr великий, может быть и родственные между собой. Вполне возможно, что тогда в годы царствования Тутмоса III египтяне пользовались услугами этих cpr в качестве наемников (см. P. Harris 500), и возможно, что эта их наемническая роль подготовила им путь завоевания Сирии. Хотя, конечно, и возможно, что папирус Harris 500 упоминающий об Апуру—наемниках, рисует нам условия лишь XX династии.

От конца XVIII дин. египетские тексты не сохранили упоминания об cpr. Появляются они снова уже при Рамсесе II в выше приведенных отрывках Лейденских папирусов. Для уяснения себе этих упоминаний нам надо обратиться к событиям царствования отца Рамсеса II, Сети I. Этот царь должен был вести первую свою войну против племен Шасу. Сети I описывает свой поход против них главным образом изображениями, с сравнительно скудными надписями. На изображениях, поскольку, конечно, можно доверять старым изданиям эти Шасу являются типичными представителями бедуинов „западносемитической“ расы (пр. 52). В надписи над изображением врагов около крепости Пеканаан (пр. 53) мы читаем „разгром (2), который произвел могучий меч Фараона среди побежденных Шасу от крепости Цару до Пеканаана“ (пр. 54). В своей надписи над изображением триумфального возвращения в Египет, он дает обзор причин, вызвавших его поход в Сирию и Палестину: (3) „Пришли сказать его Величеству (4): побежденные Шасу замышляют (5) (восстание). Их племенные вож-

Таблица II.



Сфинкс египетского царя, узурпированный Гиксосами
Профиль.



Приход азиатов в Египет при царе Эхнатоне.
(ок. 1375 г. д. Р. Х.).

ди (6) собрались, поднимаясь против азиатов страны Хару (7). Они решили творить злодеяния и смуты, каждый из них (8) побивает своего соседа и они презирают законы (9) дворца" (пр. 55). Из этих слов Сети I видно, что роль „побежденных" Шасу в стране Хару (пр. 56) вполне аналогична роли Хабиру или племен Sagaz Тель-Амарнской переписки и нельзя не согласиться с мнением Эд. Мейера о тожественности этих Шасу и Хабиру (пр. 57). Эта идентичность тем более приемлема, что Хабиру-евреи-Шасу и этимологически соответствуют друг другу. Шасу обозначает „кочевник, бедуин" и является производным от египетского глагола „шаси" бродить, кочевать (пр. 58). Шасу же является по Манефону второй составной частью названия „Хиксосов", т. е. „правителей", (хик „шасу") царей пастухов. Такое значение кочевника, скитальца, бродяги имеет в семитических языках cbr—еврей-Хабиру (пр. 59). Если же Шасу тожественны с Хабиру—евреями, то это обстоятельство нам значительно облегчит решение нашей проблемы. Дело в том, что по свидетельству Сети I, ему удалось привести в большом количестве пленных Шасу. По крайней мере над вторым рядом пленных, взятых им, имеется особая надпись: „Пленные, которые его Величество забрал у Шасу, разбитых самим его Величеством в первом году" (пр. 60). Эти пленные Шасу были им, конечно, рассеяны по владениям царя или владениям храмов, дабы нести там крепостную службу. И потомками этих Шасу были, наверное, те люди cpr, которые по свидетельству двух Лейденских папирусов работали над сооружениями храмов Рамсеса II. Число этих „апер" было, очевидно, довольно значительное, коль скоро они работали над сооружением храмов в двух главных городах севера, в Мемфисе и м. б. городе Рамсеса, о котором еще упоминает и Библия. Поэтому вряд ли эти cpr рекрутировались из пленных Мидианитского племени cpr, ведь мы же знаем малочисленность семитических, кочевнических племен. Если же cpr нельзя сопоставить с библейским cpr, то остается лишь допустить вторую фонетическую возможность отожествления cpr с евреями—Хабиру и т. о. с Шасу Сети I, приведенных им в Египет во время счастливого похода I года. Замена же их египетского названия Шасу, семитическим cpr, вполне понятна, ибо обозначение крепостных рабочих „Шасу" т. е. „кочевники" неудобно, значительно более подходящим названием для них является „cpr", которое и в египетском имело такое подходящее значение—„рабочий" (см. выше). Правда, между

между Шасу и срг Рамсеса II еще не м. б. установлена вполне бесспорная связь. Сам Рамсес II вел много войн и среди его врагов м. б. были народы, которые с большим правом могут быть сопоставляемы с срг, чем Шасу, хотя подобное предположение не весьма вероятно. Но последние сомнения исчезнут при сопоставлении срг и Шасу текста времени Рамсеса III. Согласно великому папирусу Харрис этот царь вел войны с 3 народами, или вернее группами народов, с Ливийцами, с народами севера и бедуинами на востоке. Вот что он нам рассказывает об этом последнем походе: „Я разгромил народ Сеира из племен Шасу. Я разграбил палатки их народа, их имущество и их скот без числа. Они были связаны и приведены пленными в качестве подати в Египет“. Среди народов севера им перечислены следующие племена: Данаана (Данайцы), Сикела (Сицилийцы), Пулусата (Филистимляне), Шардана (Сардинцы) и Вашаша (пр. 61). Из побежденных Ливийских племен он называет: Ливийцев, Машаваша, Эсбет, Каукеш, Шаи, Гес и Бекен (пр. 62). В начале папируса, до этого повествования о своих победоносных войнах Рамсес III перечисляет щедрые дары богам своей страны и поэтому естественно найти среди крепостных, десятками тысяч, подаренных им храмам, пленных из этих походов. И действительно, мы находим среди даров Амону указание на Ливийскую добычу. Он дарит в качестве пастухов к стаду (по имени) „Усермара-Мериамун—победитель Машаваша у воды Ра под руководством домоправителя Паи, Машаваша 971 (человек)“. О сирийцах Хару, захваченных им, или во время их движения с народами севера, или же на горах Сеира он также упоминает: Сирийцы и негры (пр. 63) из добычи его Величества, которую он дал дому Пта, 205 (человек) (пр. 64). Пленных бедуинов он упоминает под названием stiw (пр. 65), описывая святилище Амона, которое он основал в столице севера в знаменитом городе Рамсес, упоминаемый и в Священном Писании, как место страданий народа Яхве. Рамсес III нам повествует: „Я заполнил дом его (т. е. Амона) рабами и рабынями, которых я привел из страны бедуинов stiw (пр. 66). Очевидно эти Стиу относятся к его походу в горы Сеира, и тожественны с упомянутыми в том месте Шасу. Но об этих же Шасу он говорит конечно и тогда, когда среди даров Атуму Илиопольскому он упоминает людей срг (пр. 67). Действительно, к какому же из перечисленных племен, эти срг могли бы отнестись, если не к

Шасу с гор Сеира. Правда царь не упоминал в своем перечислении даров о народах севера, но они, вероятно, вкраплены в число тех многочисленных крепостных, которые перечисляются в папирусе без указания их происхождения. И срг, конечно, не могут соответствовать ни одному из вышеприведенных имен северных народов. Не может быть также и речи об отожествлении с каким-нибудь из перечисленных Ливийских племен. Остается лишь одна возможность, их сопоставления с Шасу Сеира. То обстоятельство, что в таком случае эти Шасу один раз названы stiw, а другой срг, не должно нас смущать. Подобная непоследовательность в терминологии весьма обычна в египетских текстах. Если же срг и Шасу действительно тожественны друг другу, то тогда уже в эпоху Рамсеса III в горах Сеира сидели и евреи, на ряду, конечно, с другими народностями, что м. б. и хотел оттенить Рамсес III словами: „народ Сеира из племени Шасу". Остается еще одно последнее упоминание об срг, а именно Хамамматская надпись Рамсеса IV. Здесь упомянуты „800 срг из anw(ty)". И эти срг могут быть поставлены в связь с Шасу. Дело в том, что местность Анути по свидетельству номовых списков Эдфу, Дендера и других храмов лежала на северо-восточной границе Египта в восточной части современного Вади Тумилат, в т. н. восточном номе Гарпупы. Главным городом этого нома был знаменитый Питом, называемый еще Суккот (пр. 68). Оба названия встречаются в Библии, в связи с историей пребывания в Египте. Недалеко от этого Суккот-Питом лежал очевидно и Анут Хаммаматской надписи. Около же Питома-Суккота находились поселения Шасу, по крайней мере при Мернепта, сыне Рамсеса II, один чиновник доносит своему начальнику: „Мы пропустили племена Шасу... мимо крепости Мернепта, которая есть Суккот, к прудам Питома Мернепты, которое есть Суккот, чтобы сохранить их жизнь и жизнь их стад на великом пастбище Фараона" (пр. 69). Таким образом и для срг из Анут Хаммаматской надписи Рамсеса IV, мы можем установить ту же связь с Шасу-Хабиру, что и для срг текстов Рамсесов II и III. Вследствие установления такой связи, а также и прочего вышесказанного мы можем формулировать результат нашего исследования о тожестве срг и евреев в следующем виде: отожествление между срг и евреями фонетически вполне возможное, требуется смыслом содержания свидетельств, вполне согласуется с общей хронологией и является необходимым вследствие

связи Шасу и Хабиру—евреев с одной стороны и Шасу и срг с другой. Но если срг и евреи—Хабиру, Шасу тожественны между собой, то перед нами встает следующий вопрос: каково же отношение евреев—хабиру-срг к Израилю. Возможно ли полное тожество между ними. В случае признания такового, мы бы пришли к концу наших рассуждений, ибо тогда можно было бы пребывание Израиля в Египте уже считать доказанным, коль скоро мы имеем свидетельства о нахождении евреев в Египте уже в эпоху XIX дин. Но это слишком упростило бы нашу задачу, которая и теперь еще довольно сложная. Безусловное отожествление евреев с Израилем абсолютно невозможно. Ведь Хабиру-евреи представляют многочисленный широко расселившийся народ, завоевавший целый ряд областей, заведомо выходящих за пределы исторического Израиля. И по культуре своей Хабиру в значительной степени потеряли свой семитический облик. Так в знаменитых договорах Миттанийского и Хетского царств перечислены также боги Хабиру и притом тотчас же за группой чисто хетских божеств. Имена у Хабиру были не всегда чисто семитические (пр. 70). В виду этого даже высказывались сомнения в их семитическом происхождении (пр. 71). Такой взгляд, правда слишком радикален и хабиру по своей расовой принадлежности были семитами, хотя и до известной степени подпавшие Хетской культуре (пр. 72). Но все же в виду всего этого нельзя отожествить Израиль и всех Хабиру. Может быть возможен будет такой исход. Области севера, выходящие за пределы Израиля были завоеваны срг великим списков Тутмоса III. Срг же малый, завоевавший себе часть Палестины, м. б. является тожественным Израилю. Но и с этим предположением нельзя вполне согласиться, Не столь давно Weinheimer сделал остроумное наблюдение о различении в Ветхом Завете „евреев" и „Израилитян" (пр. 73). Böhl полемизирует с его доводами, но должен в конце концов по существу с ним согласиться (пр. 74). В виду подобного широкого употребления слова евреи мы не можем всюду, где встречаются они предполагать и упоминание Израиля. Это уже надо особо решать в каждом отдельном случае. Другими словами проблема евреев только теперь начинает превращаться для нас в проблему об Израиле.

Но прежде, чем перейти к решению последней и для нас центральной задачи, мы должны еще разобраться в вопросе, который весьма тесно связан с еврейской пробле-

мой, а именно в приходе „евреев“ в Египет при Эхнатоне, т. е. в Тель-Амарнскую эпоху. Чем об‘ясняется эта вторая версия Манефона о приходе Израиля в царствование Аменофиса III и сына его Эхнатона. Какие данные были у него связать эту интереснейшую в религиозном отношении эпоху еврейской истории с приходом евреев в Египет. Были ли у него другие данные кроме того „сходства“ религиозного мышления великого еретика Эхнатона и великого народа Богоискателя. Если это так, то данное сближение м. б. чрезвычайно плодотворным в установлении корней религиозного развития Израиля, сделавшего этот народ единственным в мире по силе и глубине своей религиозной концепции. Иной раз в науке высказывался, действительно, подобный взгляд, сближающий монотеизм Моисея с монотеизмом Эхнатона (пр. 75). Но он, конечно, может претендовать на научность лишь тогда, когда для своего доказательства будет в состоянии привести об‘ективные данные. Имеются ли в современных источниках какие-нибудь упоминания о появлении в пределах Египта какого-нибудь населения, которое могло бы быть отождествлено с евреями, как Израилем. Правда, в Тель-Амарнской переписке мы находим упоминания о народных передвижениях, и даже, как раз еврейских племен, но они ведь еще не вторгаются в Египет, а лишь в заграничные его владения, и то, как кажется, не самые ближайшие к нему. Поэтому трудно предположить, чтобы Манефон считал эти свидетельства упоминанием прихода евреев в Египет. Для Манефона имели бы значение лишь сведения о появлении еврейских или вообще азиатских племен в пределах самого Египта. И мы действительно находим среди памятников этой эпохи упоминание прихода из Азии новой переселенческой волны. Я имею в виду изображения на стенах гробницы генерала Эхнатона известного Горемгеба, который впоследствии сам сделался царем (пр. 76). Горемгеб совершил поход на север, но вероятно лишь на юг Палестины, для бо́льшей экспедиции в масштабе Тутмоса III не хватало средств у государства Эхнатона. Он усмирил несколько Палестинских городов и часть жителей их была приведена им в Египет в качестве пленных. И вот, любопытно и важно отметить, что среди этих пленных не имеется изображения самих Хабиру (см. таб. II). Представлены здесь лишь типичные оседлые семиты, с длинными бородами и склонные к полноте, иные даже с солидным брюшком. Кроме них изображены люди, определенные Бурхардтом, как Арийцы

(пр. 77). Это были вероятно те вышеупомянутые Марианна, лейбгвардия Хоритских князей. Изображение же Хабиру, т. е. бедуинов среди пленных этих не имеется. И это обстоятельство весьма знаменательно. Очевидно Хабиру сами еще не добрались до крайнего юга Палестины, и их удары чувствуются здесь лишь косвенно, появлением племен, сидевших на севере и спугнутых с своих насиженных мест вторжением сынов пустыни, и в свою очередь вносящих смуту среди населения юга. За это они и были примерно наказаны Горемгебом. Наряду с пленными Горемгеб изобразил еще и других азиатов, пришедших просить царя, принять их в Египет и защитить их, и просьба которых, судя по надписи, была уже исполнена. Надпись эта весьма любопытна своими аналогиями с В. З. рассказами и рисует нам ярко то ужасное положение, в котором оказалась Палестина вследствие вторжения еврейских племен. „(1) . . . . . . Азиаты, другие расселились на их местах (2) . . . . . . они разгромлены, разрушены их города, кинут огонь (3) (они пришли просить) великого силой послать свой могучий меч перед (4) . . . . Их страны голодают, они живут подобно сернам гор (их) дети (5) . . . говоря: немногие из Азиатов, которые не знали как им прожить, пришли (6) (Про)ся (убежища во владениях) фараона, согласно обычаю ваших предков с изначала при (7) . . . . (Теперь) же фараон отдает их под вашу руку, чтобы защитить их границы“ (пр. 78). По своему типу эти пришельцы напоминают отчасти облик оседлых семитов, отчасти, приближаются, а именно люди, стоящие с лошадьми за группой просящих, к хетскому типу. Очевидно, поэтому не Хабиру пришли просить защиты и приюта, а, наоборот, жертвы вторжения Хабиру, и даже не прямые, а лишь косвенные (см. выше). Эти племена были загнаны в горы и должны были жить там как звери пустыни, подобно тем Хоритам, которые еще в позднее время жили в горных ущельях Сеира и племенное имя которых было потом истолковано, как „жители пещер“. Часть их бежала в Египет, прося там приюта и помощи, другие же, оставшиеся в горах, должны были быть защищаемы войсками фараонов, по крайней мере, судя по надписи, Эхнатон передает защиту их границы в руки своих чиновников. Возможно, что с этого времени у Хоритов Сеира и развивается тот культ солнца, который так характерен для них (пр. 79). Эхнатон, очевидно, распространял среди них свой солнечный культ. Вероятно он даже по-

строил здесь храм богу своему Атону, подобно тому, как он построил таковой в Нубии. Проповеди солнечного культа падали у Хоритов на благодарную почву, ибо Хориты-Хиксосы были уже подготовлены к восприятию этого культа своим пребыванием в Египте. Но как бы ни была интересна проблема религиозного развития Хоритов (пр. 80), она отвлекает нас от нашей прямой задачи. Для нас же важно установить, что приход Азиатов в Египет при Эхнатоне ничего общего с евреями, не говоря уже о Израиле, не имеет. Если евреи, и в частности Израиль, и пришли в Египет, то во всяком случае не в эту эпоху первого появления евреев на арене истории, а лишь позднее. Манефону же мог показаться этот приход Хоритов в связи с господством ереси Атона событием вполне соответствующим пребыванию Израиля в Египте. И действительно, надпись Горемгеба хорошо согласуется с сообщением Манефона. Потомки Хиксосов, Хориты снова вернулись в Египет, но не для помощи царю еретику, а, наоборот, прося у него помощи. Для нас же этот эпизод ничего общего с приходом Израиля иметь не может, и мы должны поэтому отказаться от заманчивого сближения прихода Израиля и Тель-Амарнской культуры и искать решения проблемы Израиля в другой эпохе Египта.

Глава 2. Проблема Израиля.

Если мы об евреях впервые узнаем из египетских источников, из аннал Тутмоса III, то также и первое известие об Израиле нам дает египетский памятник, не столь давно подаренный науке. Это первое упоминание Израиля было найдно на стеле, найденной английским археологом Петри в 1896 г. в Өивах, среди развалин заупокойного храма Мернепта. В этом же году она была издана Шпигельбергом с великолепным переводом (пр. 81). Весь научный, и вообще образованный мир заволновался. За время, протекшее с момента находки этой стелы Израиля, успела вырасти громадная литература об ней (пр. 82). Эта стела по мнению и самого Мернепта сообщала о таком важном событии, что она имела еще свой дубликат, фрагменты которого уже давно были известны науке (пр. 83). Содержанием ее служит победа, одержанная Мернептой в 5 году своего царствования над Ливийцами, наводнившими север Египта.

Об этой же победе он повествует и в других своих памятниках, в большой Карнакской надписи (пр. 84) и на стеле из Атриба (пр. 85). Но в этих источниках врагами царя являются не одни лишь Ливийцы, но и народы севера: Акаваша (Ахейцы), Шакалаша, Туруша (Турсы, Этруски) и Шардана, часть которых лет 50 спустя ринулась на Египет при Рамсесе III. На стеле же Израиля единственными врагами царя являются Ливийцы, что и вызывает некоторое недоумение. Единственный выход из этого затруднения дается предположением, что оба эти события, нашествие Ливийцев и вторжение народов севера, не были столь тесно связаны между собой, как это можно было бы предположить на основании Корнакской надписи. Вероятно связь между этими нашествиями была лишь случайна, не было коалиции в нашем смысле слова. Очевидно Мерneпта, разбив Ливийцев, тотчас же обрушился и на морские народы, которые, воспользовавшись Ливийской войной, вторглись глубоко в Египет и возможно, что они были разбиты недалеко от места поражения Ливийцев. Т. о. Мернепта мог рассматривать обе победы и как одно событие (Карнакская надпись и стела из Атриба), и как самостоятельные события (стела Израиля). Но если в этой последней он совсем не упоминает о народах севера, зато он перечисляет в какой то неясной связи другие народы, в свою очередь не упомянутые в других надписях. Действительно „Israel-Stele“, описав победу над Ливийцами, славу царя после победы, любовь богов к нему, радость и благополучие Египтян, переходит к заключению, как то не связанному с предыдущим, и перечисляющему соседние Египту страны и среди них и Израиль (стр. 26—28 стелы).

Многочисленные переводы этого важнейшего текста до сих пор восходили mutatis mutandis к переводу Шпигельберга, который он дал в 1896 г. Перевод Spiegelberg'a гласит: „Niemand (sic) unter den Neunbogenvölkern erhebt sein Haupt. Verwüstet ist Thn, Cheta zur Ruhe gebracht. Das Kanaan ist mit (?) allem Schlechten gefangen (?). Fortgeführt ist Askalon, Gazer genommen. Jenoam ist zu nichts gemacht, Israel ist verwüstet und seine Saaten vernichtet, Hor ist wie die Witwe (sic) von Aegypten geworden (пр. 86).

Из этого перевода нам становится ясной вся важность этого текста и поэтому тем более досадна непонятность контекста данных строк надписи. Ведь возникает вопрос, как же понимать эту приписку к гимну победы Мернепта

над Ливийцами? Вытекает ли из нее необходимость признания похода Мернепта в Сирию, свершенного им или до разгрома Ливийцев, или после него? А вопрос этот, как мы увидим потом, весьма важен для решения нашей основной проблемы. До сих пор вопрос о походе Мернепта в Сирию решался положительно всеми исследователями. Отчасти это зависело от понимания ими разобранного текста, отчасти благодаря свидетельству одного памятника, уже давно известного науке, а именно: дневника пограничного чиновника от 3 года Мернепты (пр. 87). Лишь Naville известный исследователь библейской топографии Дельты попытался подойти самостоятельно и оригинально к этой проблеме в своей статье „Did Menephtah invade Syria" (пр. 88). Он приходит к выводу, что стела Израиля нас отнюдь не уполномачивает к допущению со стороны Мернепта похода в Сирию. Он полагает, что причиной безопасности народов Востока для Египта был не поход его, а отчасти мирный договор, заключенный отцом его с Хетским государством, отчасти внутренние смуты, поразившие эти государства. Основанием для его взгляда послужила отчасти указанная уже странность самого разбираемого текста, посвященного прославлению победы над Ливийцами, и в конце своем повествующего о разгроме народов Сирии и Палестины без связи с предыдущим и главное вне связи с деятельностью царя (пр. 89), что конечно противоречит обычному тенору египетских исторических надписей, как это отмечается и Naville: it would be quite contrary to egyptian inscriptions such as we known them, to forget in that way the great deeds of their kings. Every victory, every contest is due to the king, himself. In Egypt a historical narration-bears still the charakter, which history has at its origin. History began with biographies, and historical inscriptions in Egypt, or ever in the books of Kings or Chronicles in the Old Testament, are nothing but biographies of the kings or events, connected with its person" l. c. (пр. 90). Другим основанием его предположения послужило Навиллю иное толкование уже упомянутого дневника пограничного чиновника, являющегося раньше главным доводом в пользу предположения похода Мернепта в Сирию и Палестину (пр. 91). Чиновник этот находился в одном из пунктов Восточной границы Египта. Записки свои он пишет наспех на обороте своих ученических записей, опуская предлоги, что чрезвычайно затрудняет понимание их, но я все же попытаюсь в виду важ-

ности их для нашей цели дать перевод in extenso и буквально: (1) III год, первый месяц третьего времени года' 15 день: отправление слуги—Ваала Рои, сына Цапуиры из Газы (2). То, что было с ним для Хару (т. е. Сирии), письма, 2 различные. Он (и начальник пех)оты Хаи письмо (3) князь Тира Баалат—Ремес, письмо 1. (4) III год, первый месяц третьего времени года, 17 день. Прибыли начальники лучников от колодца Мернепта, (5), который находится (среди) горцев, для свидетельства в крепость, которая в Цару. (6) III год, первый месяц, третьего времени года, день... Отправление Тути сына Цакарбаль из Гакати (пр. 92) (7). Мацадути сын Шем-Ваала (из) того же (города) (8) Сутехмес сын Апердегера (из) того же (города). (9) То, что было с ними для того места, где находится царь. Начальник пехоты Хаи, посылка, письмо 1. (pl. V, 1). Первый месяц, отправление слуги Пахтамона, сына Цаира из крепости Мернепта, которая лежит у верхнего Тира. То, что было с ним для Палестины: письма 2, различные, они (3) начальник пехоты Пенамон письмо 1. Домоправитель Рамзеснахт этого города письмо 1. (4) Отправление начальника конюшни Пемерхетема (сына) Ани (5) из города Мернепта, который находится в области Арама. То, что он несет с собой к месту, где находится Царь. Письма 2, различные. Они (6) начальник пехоты Паремгеб, письмо 1, (7) заместитель Паремгеб, письмо 1. (8) Год III, месяц первый, третьего времени года, отправление колесничего Ипудау от великой конюшни (9) Мернепта...

Прежде чем перейти к разбору содержания записок, нам надо установить точнее местопребывание автора их. Оно лежало очевидно на границе Египта и Хару, обнимающее как известно и Синайский полуостров (см. ниже), ибо целый ряд лиц оттуда отправляется в Хару. Оно из себя представляло поселение далеко не маленькое, коль скоро писцом там состоял бывший ученик хорошей писцовой школы, м. б. даже придворной (пр. 93). Здесь также служил и такой важный чиновник, как домоправитель Рамсеснахт, ибо „этого города" (стр. 3, табл. V) должно, конечно, относиться к городу, где находился писец разбираемых строк. Но мы можем, кажется, еще ближе и точнее определить место написания нашего текста, Почти во всех случаях говорится об „отправлении" того, или иного гонца. В одном только случае (табл. IV, 4) говорится о достижении или прибытии (spr). Надо полагать, что под этим „достижением" надо по-

нимать прибытие к тому пункту, где находился автор записок, и этот пункт должен поэтому лежать ни в Хару, ни в Египте, а на границе между ними, где (как мы уже видели) надо искать местопребывание нашего писца. И мы, действительно, имеем дальше указание совсем подходящего места: „прибыли начальники лучников... для свидетельства в крепости, которая в Цару“. Цару же, как мы знаем, являлось исходным пунктом для всякого путешествия в Сирию-Хару. Хару прямо начиналось с этой крепости и по свидетельству надписей Сети I о войне с Шасу, которые поднялись на азиатов из Хару от Цару вплоть до Ханаана (см. выше) и по свидетельству P. Anast 3, 1, 10 о „стране Хару, начинающейся с Цару, вплоть до страны Упа, т. е. области города Дамаска (пр. 94). Крепость Цару, как исходный пункт всех экспедиций в Азию, являлась весьма важным центром, и здесь могли находиться чиновники не последних ступеней иерархии. Здесь же, наконец, могло быть и столь оживленное общение, о котором свидетельствуют записки. Но если Цару, действительно, был местом происхождения нашего текста, то возникает в качестве дальнейшего вопроса, куда же направлялись перечисленные в этом тексте гонцы. Названы только два места их назначения. Одно, это Сирия, другое-местопребывание царя. Естественнее всего предположить, что эти два места лежали в противоположных направлениях. Одно из них Сирия на востоке, а другое „то, где находится царь“ в Египте на западе. И вывод этот, конечно, давно был бы уже сделан, если бы не одно обстоятельство, которое смущало исследователей, а именно двукратное упоминание начальника пехоты Хаи. В первый раз он упоминается в стр. 2, табл. IV, причем письмо, с которым он находится в связи, отправлено в Хару, а во второй раз в стр. 8 той же табл. Здесь имя его следует за письмом, которое направлено „туда, где находится царь“. Исследователи рассматривали этого Хаи, как и прочие имена, перечисленные за пометкой о количестве писем, в качестве адресата и т. о. полагали, что оба письма были отправлены к одному и тому же лицу. Если поэтому одно было послано в Сирию, а другое туда, где находился царь, то само собой вытекал отсюда вывод, что царь тогда, в 3 году, находился в Сирии. А это обстоятельство делало весьма вероятным предположение, что Мернепта в том году разгромил Сирию, и что последние строки Израилевой стелы относятся к этому походу. Но подобное отожествление „Си-

рии“ и „туда, где находится царь“ маловероятно, не говоря уже о естественном их противупоставлении, еще и вот по какому соображению. В двух случаях говорится о гонцах, которые идут из какого нибудь Сирийского города к царской ставке. Если царь находился тогда в Сирии, то зачем же гонцам направляться еще в Цару к границе Египта и оттуда снова возвращаться к царю в Сирию. Проще предположить, что царь находился в Египте и гонцы из Азии должны были миновать Цару, чтобы попасть к нему. В виду этого мне думается надо и для случая с Хаи подыскать другое, более удобное об'яснение. Таковое имелось бы в случае предположения, что Хаи не был адресатом, а являлся лишь отправителем. Он находился в таком пункте, который лежал между резиденцией царя и Хару, т. е. вероятно также в крепости Цару, где начальник пехоты был вполне уместен, и откуда он мог направлять свои доклады и в том и в другом направлении. Предположение, что Хаи был отправителем, а не адресатом письма, можно сделать почти достоверным. Дело в том, что в одном случае мы можем прямо доказать, что лицо, названное за пометкой о письмах, является действительно отправителем, а именно на табл. V, стр. 1 сл. упоминается о гонце Нахтамоне, который направляется в Сирию с двумя письмами, причем одно из них стояло в связи с домоправителем Рамсеснахтом „из этого города“, т. е. из самого Цару. В виду этого Рамсеснахт не может быть адресатом; ведь какой же смысл имела бы отправка письма в Сирию из того города, куда оно адресовано. Если же Рамсеснахт был отправителем, а не адресатом, то и прочие лица, упоминаемые в аналогичном контексте, среди них, конечно, и Хаи, также были отправителями, и таким образом отпадает необходимость отожествления Сирии и царской ставки. Но этот вывод приводит нас еще к следующему наблюдению: Среди лиц, стоящих в связи с письмом, перечислен в начале текста и князь Тира.

Согласно нашему выводу, и он является отправителем, и свое письмо он отправляет не в царскую ставку, а в Сирию, следовательно он уже не находится у себя в Тире, а в Египте, м. б. также в Цару. Что же заставило его покинуть свой город. Не указывает ли это обстоятельство на какие то события, которые потрясают Палестину и Сирию. На это указывало бы и чрезвычайно интенсивная посылка и в том и в другом направлении гонцов, которая, очевидно,

и заставила нашего писца отмечать себе их для подкрепления памяти. На тревожность событий в Палестине указывает и вызов офицеров „колодца Мернепта“, который находится „среди горцев“ (пр. 95). Зачем потребовалась эта посылка их и притом для свидетельства в крепости Цару. Очевидно те лица, которые заведывали обороной Египта были чем то озабочены и мы сами скоро узнаем, какова была та опасность, которая тогда нависла над Египтом. Но как бы то ни было, из всего вышесказанного вытекает, что о походе Мернепта в Сирию на основании этого текста заключать нельзя. Наоборот, Мернепта был как раз в Египте, правда, зорко присматриваясь к тому, что происходит в его азиатских владениях. На то же острое внимание к событиям в Палестине указывает и то, что, судя по этому тексту, в Хару имелись многочисленные укрепления с именем Мернепта, а таковые свидетельствуют о том, что он их реставрировал или же их заново отстроил. Но подобную строительную деятельность он мог проявить, даже и не побывав в Азии, не говоря уже о походе туда, и поэтому можно согласиться с Навиллем, что поход Мернепта в Сирию, постулированный, обычно на основании только что разобранного папируса, должен быть вычеркнут из аннал этого царя. Но если не сам Мернепта разгромил Палестину и Сирию, то кто же тогда сломил их мощь и сделал безопасными для Египта. И на этот вопрос можно дать вполне удовлетворительный ответ, правда, при несколько ином понимании конца стелы Израиля, чем то, которое дано было вышеприведенными переводами. Я попытаюсь дать точный перевод ее: „Никто из 9 луков не поднимает своей головы. Опустошено Техену. Хета присмирело (пр. 96). Ханаан пленен всяким злом (пр. 97). Оно захватило и Аскалон и овладело Гезером (пр. 98). Иеноам превращен в несуществующее, Израиль опустошен, его посевы уничтожены. Хару сделалась вдовою для Египта“. Исходя из подобного понимания, мы еще раз убеждаемся, что не египетские войска разгромили Палестину и Сирию, не могли же они быть названы в оффициальном египетском тексте „всяким злом“. Враг должен был быть другой. И этим врагом очевидно были те народы севера, которые хлынули с Эгейских островов и из Малой Азии под давлением нового передвижения греческих племен в 13 стол. Из большой Карнакской надписи мы узнаем, что вместе с Ливийцами эти народы севера опрокинулись и на Египет, но были разбиты царем,

при-чем я уже указывал на неясность хронологического соотношения этих двух событий, вторжения Ливийцев и нашествия северян, хотя и была очевидна тесная их временная связь. Если поэтому ливийское нашествие пало на 5 год, то к тому же году надо приурочить и приход народов севера. С передвижением этих народов стоит вероятно в связи переписка III года. Князь Тира находился в Египте, ибо Тир уже пал, а Хета, лежащая еще севернее, тем паче. При дворе боялись дальнейшего продвижения варваров, и вот вызываются офицеры от „колодца Мернепта", освидетельствовать положение там. Высылаются послы от различных городов Сирии. Они проходят через Цару, которое живет лихорадочной жизнью под чувством надвигающейся грозы. Вскоре она разразилась и над Палестиной, не затронутой еще в III году, коснулась и Египта, спасенного лишь решительной победой Мернепта. Он же, разбив варваров севера, мог рассматривать себя и победителем тех стран, которые не выдержали, подобно ему, натиска северян, и поэтому он присоединил к своему гимну победы над Ливийцами и список разгромленных народами севера стран Азии (пр. 99). Подобным взглядом об'ясняются и такие фразы, как „все страны соединены в мире, тот, кто бродил, связан царем Мернепта", следующей в надписи Израиля за описанием разгрома Сирии и Палестины, или же эпитет Мернепта „связавший Гезер" в одном из текстов его эпохи. Но, конечно, похода в Сирию эти фразы не доказывают, как это предполагал Breasted (пр. 100), от него надо окончательно отказаться и определенно уяснить себе, что Мернепта и войска его не являлись виновниками несчастий Сирии и Палестины. Уяснив себе это, мы можем перейти к дальнейшему важному вопросу, а именно, где же находился Израиль в момент вторжения народов севера. Очевидно он находился вне Египта и это упоминание Израиля вне Египта в эпоху Мернепты оказалось роковым для решения вопроса об исходе. До открытия стелы обычное решение проблемы—ἔξοδος—сводилось к отожествлению Мернепта с царем исхода, а отца его Рамсеса II с фараоном притеснения, что очевидно находило свое подтверждение и в традиции Ветхого Завета. Теперь же, по свидетельству этого вновь найденного памятника, оказалось, что Израиль при Мернепта не находился в Египте, а сидел где то в Палестине, и т. о. приходилось отказаться от традиционного взгляда. Правда оставалось предположение, что Израиль не во

всем своем об‘еме пришел в Египет, а что часть его оставалась в Палестине, и что об этих Палестинских племенах идет речь в надписи Мернепта. К этому искусственному выходу прибегли некоторые ученые (пр. 101). Но подобное решение проблемы вызывает сильнейшие сомнения. Нельзя же предположить, что оставшиеся вне Египта племена изменили свои традиции свободного народа в пользу унизительной традиции рабства и притеснения Израиля, бежавшего из Египта, ибо бесспорно „das die natürliche Tendenz der Volkstradition ist die Geschichte des Volkes zu verherrlichen“ (пр. 102). Поэтому и большинство из исследователей отказалось от отожествления Мернептаха с фараоном исхода и отодвигало исход к более отдаленному прошлому (пр. 103), или же вообще сомневалось в реальности этого события. К такому отрицательному выводу пришел Эд. Мейер в своем капитальном труде „Die Israeliten und-ihre Nachbarstämme, стр. 222 сл. Он указывает на то, что мы имеем непрерывающуюся цепь сведений о праистории Израиля, начиная с XIV в. (Тель-Амарнская переписка и надписи Сети I о войне с Шасу) вплоть до Мернептаха и что все сведения говорят о местопребывании евреев в Палестине, а отсюда ясен вывод, что Израиль никогда и не был в Египте (пр. 104). Оставалась еще одна возможность выхода из затруднения, созданного стелой Израиля, а именно перенесение проблемы пребывания Израиля в Египте в эпоху после Мернептаха, но подобный смелый взгляд был высказан одним лишь Eerdmans’ом (пр. 105). Для того, чтобы разобраться в правильности всех этих различных предположений, нам надо решить вопрос, в каком же месте соседних с Египтом областей Азии сидел тогда Израиль. Лишь двое из исследователей искали на основании стелы Мернептаха местопребывание Израиля на крайнем юге, в пограничной к Египту области (пр. 106), все же прочие отожествляли его с Палестиной. Из них главные доводы в пользу этого взгляда приводит Эд. Мейер (пр. 107).

По его мнению принципом группировки азиатских областей в конце стелы Израиля являлось направление с юга на север. Перечисление: Канаан, который по его словам обозначал у Египтян самый крайний юг Палестины (пр. 108), затем Аскалон, Гезер и Иеноам в южном Ливаноне (пр. 109), казалось, подтверждало его взгляд. Исходя из этого наблюдения, Эд. Мейер и пытается определить родину Израиля в эпоху Мернепта. Текст стелы ему, правда, не дает прямого ука-

зания на этот вопрос, но полагая, что в своих поисках нельзя итти еще дальше к северу, чем Иеноам, он приходит к выводу, что перечисление от областей береговой полосы, каковыми являются для него Канаан, Аскалон, Гезер и Иеноам, обращается в глубь материка. Т. о. Эд. Мейер и приходит к догадке, что „Israel damals schon eben da sass, wo wir später den Schwerpunkt des Volkes finden, d. h. im Gebirge Ephraim“ (пр. 110). Но Эд. Мейер сам должен согласиться, что установленный им принцип перечисления с юга на север т. о. меняется, уступая в конце концов место перечислению с запада на восток, т. е. с берега вглубь материка. Если это не говорит за правильность его взгляда, то с другой стороны и отожествление им Асколона, Гезера и Иеноама с береговой полосой вызывает сильные сомнения. Аскалон, правда, лежал у берега моря, но Гезер и Иеноам и отдалены от моря на довольно далекое расстояние. Кроме того эти три названия — не имена городов, а целых областей, названных по имени главного города, на что и указывает детерминатив страны за этими именами. Области же эти могли обнимать и пространства к востоку от местоположения „городов“ Аскалона, Гезера и Иеноама, т. е. в таком случае окончательно отпадает возможность рассматривать эти области в качестве прибрежной полосы. Поэтому Грессман вполне прав с своим мнением, что в стеле Израиля „vertritt Askalon das südliche, Geser das mittlere und Ienoam das nördliche Palästina“ (пр. 111). Он тем более прав, что уже в Тель-Амернской переписке Аскалон и Гезер представляют вместе с Лакишем всю Палестину. По крайней мере в 3-ем письме Абдихипы к фараону мы читаем следующее (стр. 11)... Да знает ца(рь) (12) (что) все страны гибнут (и) против меня вражда (13). Так пусть царь заботится для своей страны (14), Смотри страна (Г)азри, страна Ашкалуна (15) и Л(аки)с дали им (т. е. врагам царя) (16) пищу, масло и все продовольствие“ (пр. 112). Очевидно Абдихипа хочет указать на полный об‘ем области, над которой он имеет наблюдение, а область эта охватывала по свидетельству 4 письма Абдихипы всю Палестину (пр. 113). Если это так, и области Аскалон, Гезер и Иеноам обнимали не одну лишь береговую полосу, а всю Палестину, то в таком случае и горы Ефраима не могли быть еще тогда местопребыванием Израиля, ибо тогда получилась бы в перечислении стелы Мернептаха страшная чересполосица. Поэтому, мне думается, надо отказаться от установленного Эд. Мей-

ером принципа группировки географических имен стелы Израиля, который и привел маститого ученого к невозможному определению местопребывания народа Яхве. Принцип был, действительно, иной, и основная ошибка Эд. Мейера заключалась в неправильном определении географического положения Ханаана по египетским памятникам. По его мнению, как мы уже выше видели, Ханаан являлся для египтян крайним югом Палестины, обнимая, очевидно, береговую полосу начиная с Аскалона вплоть до границы Египта. Но подобное определение местоположения Ханаана явно противоречит традициям всех прочих народов, которые также пользовались названием Ханаана. И клинописные таблетки Тель Амарны и Ветхий Завет и немногие Финикийско-Греческие источники понимали под Ханааном обычно и Сирию и Палестину (пр. 114). Подобное однородное понимание Ханаана у всех соседей Египта уже а priori сильно умаляет степень вероятности определения Эд. Мейера, тем более, что ему противоречат свидетельства и тех немногих египетских текстов, которые сохранили нам имя Ханаана (пр. 115). Первое упоминание о Ханаане мы находим в надписи Сети I о его походе против бедуинов Шасу, которых он разгромил, „начиная с крепости Цару вплоть до Канаана“ (пр. 116). После победы над ними египтяне подходят к крепости „Канаан“. „Канаан“ представлен реальной крепостью, которая была взята Египтянами, но если бы она была таковой, то она была бы перечислена среди крепостей, которые были действительно взяты Сети I (прим. 117). Поэтому надо предположить, что это лишь фикция, символ границы той страны Канаана, до которой распространились Шасу (пр. 118). Страна же „Канаан“, судя по надписи Сети I, очевидно не обнимала крайний юг, ибо тот был заполнен вторгнувшимися бедуинами, а лежала где нибудь на севере. Эту южную границу Канаана можно, мне думается, точнее определить на основании следующих слов P. Anast I, 27,1 (пр. 119).

„Я расскажу тебе о чужеземных странах, лежащих за страною Канаан“, и затем следует перечисление городов и крепостей, начиная с Цару вплоть до Газы включительно. За Газой, таким образом, очевидно начинается Канаан и первый город за Газой к северу Аскалон был, следовательно, и пограничным городом Канаана с юга. На севере же Канаан, по взгляду автора p. Anast I распространялся, кажется, вплоть до северной Сирии, коль скоро он до своих слов стр. 27,1 перечисляет все города и страны Сирии,

начиная со страны Хета вплоть до Асколона и, очевидно, поэтому вся эта область понималась им в качестве Канаана. О столь же далеком распространении Канаана на север свидетельствует и папирус Харрис. На табл. 9,1 царь повествует о построении им храма Амону в Азии: „Я построил для тебя сокровенный дом в стране Джахи (Финикия), подобно горизонту, который на небе, (по имени): „Дворец Рамсеса правителя Илиополя в Канаане“ (пр. 120). Из этих слов Рамсеса III вполне определенно вытекает, что и Финикия входила в состав Ханаана и поэтому последний ни в коем случае не обнимал только крайний юг. Наоборот, как раз крайний юг, начиная с Газы, не входил уже в состав Ханаана, согласно Pap. Anastasi I и надписи Сети I. Названием же для азиатских стран, начиная с Цару и вплоть до Палестины и Сирии, служило „Хару“ (пр. 121), приведенное и в стеле Израиля в конце списка азиатских областей, как понятие, об‘емлющее их. Ханаан поэтому и рассматривался частью страны Хару, напр. в P. Anast. № 16,4, „рабы Кананитяне из Хару“. На этом мы можем кончить наше исследование о Ханаане, которое дало к тому вполне определенный результат, абсолютно опровергающий Эд. Мейера, локализующего Ханаан на крайнем Юге. Ханаан в египетской литературе, как и в литературе соседних стран обнимал Сирию и Палестину, крайний же Юг был даже самостоятелен по отношению к нему. Но если таковыми были границы Ханаана в сознании египтян, то мнение Эд. Мейера о направлении, в каком перечислены области Израилевой стелы, будет вряд ли правильным. Действительно коль скоро Ханаан обнимал более широкую область, именно Финикию и Палестину, а Аскалон, Гезер и Иеноам являлись т. о. его подразделениями, направление перечисления с юга на север теряет свою необходимость и становится возможным предположение обратного порядка, с севера на юг. Этот порядок следования, казалось, a priori, уже требовался тем обстоятельством, что список азиатских стран разбираемой стелы возглавлялся страной Хетов, государством, заведомо лежащем на крайнем севере Сирии. Поэтому перечисление Мернепта страны Хетов на первом месте в списке областей Азии постулирует порядок следования с севера на юг. За Хетским государством следует Ханаан, т. е. Финикия и Палестина, также вполне подтверждая направление, принятое мною для перечисления. Затем названы главные три области Ханаана: Аскалон, Гезер и Иеноам. Они,

правда, перечислены в обратном порядке, т. е. с юга на север, но подобная перемена направления обусловливалась характером исторических событий. Из областей Ханаана, очевидно, больше всех пострадал север, Іеноам, который был превращен в несуществующее, и поэтому было удобнее ради наростания событий поставить его на последнем месте. Если в таком случае менялся порядок следования, то это не могло безпокоить автора надписи. Отклонения от общего порядка перечисления местностей в пределах какой нибудь отдельной области встречается в египетских географических списках. Так, напр., в уже упомянутом P. Anastasi I, автор письма рассказывал своему корреспонденту о городах Сирии, пользуясь направлением с севера на юг, а дойдя до конца своего обзора и перейдя к описанию стран „лежащим за страной Ханаана“, он вдруг начинает пользоваться направлением с юга на север (пр. 122). Перечислив три главнейшие области Ханаана, надпись Мернептаха упоминает Израиль, и, пользуясь результатами предыдущего исследования, мы теперь в состоянии более или менее точно определить его местопребывание в эту эпоху. Мы видели выше невозможность локализации Израиля на северо-востоке, в горах Ефраима. Следовательно остается искать его к югу от Ханаана, что и требуется общим направлением перечисления нашего текста: Хета, Ханаан и, наконец, еще дальше к югу Израиль. Южной границей Ханаана являлась область Асколон (см. выше), поэтому Израиль сидел к югу от нее, в горах Негеба, простираясь, м. б., даже до Синайской пустыни своими передовыми племенами. Подобное определение прародины народа Яхве вполне совпадает с свидетельством Сети I о распространении евреев Шасу в первый год его царствования. Он их разбил, как мы видели выше, от Цару до Канаана, т. е. там же, где сидел и Израиль в эпоху внука Сети I, царя Мернептаха. Сюда же в горы Негеба и степи к югу от них, приводят нас рассказы о патриархах книги Бытия (пр. 123). Здесь ведут они, согласно библейским традициям, жизнь полукочевников, живут в палатках, занимаются скотоводством, но имеют также и свой хлеб, обрабатывая в оазисах тучную почву (пр. 124). Такой образ жизни обусловливался хозяйственно-географическими условиями, господствующими на крайнем юге Палестины и в наше время (пр. 125). Поэтому и Израиль эпохи Мернептаха, сидящий в этой области, должен был вести жизнь полуоседлого народа и разбираемая нами стела, ка-

жется, подтверждает это. Она упоминает, как мы выше видели, о гибели посевов Израиля, следовательно земледелие было ему знакомо. С другой стороны в противоположность Хета, Ханаану, Аскалону, Гезеру, Иеноаму и Хару, определенных странами, Израиль детерминируется народом, т. е. являлся не названием местности, а названием племени. Из этого наблюдения Эд. Мейер сделал вполне правильный вывод о полуоседлом образе жизни его. А это лишний раз подтверждает правильность локализации прародины Израиля на крайнем юге Палестины. В горах Ефраима он должен был бы очень рано перейти к крестьянской жизни (пр. 127).

Установив т. о. горы Негеба и степи Кадеша прародиной Израильских племен, нам остается решить вопрос о времени прихода их туда. Из того факта, что в стеле Мернептаха Израиль является названием племени, а не страны, вытекает и его сравнительно недавнее появление на месте своего пребывания, ибо имя народа и имя области не успели еще слиться друг с другом. Израиль, действительно, незадолго до того, появился здесь, всего каких-нибудь 90 лет, что точно определяется упомянутой надписью Сети I о войне с Шасу от первого года его царствования, т. е. от 1313 г. Эти евреи Шасу, сидящие там же, где и Израиль времени Мернептаха, были, очевидно, прямыми предками его и поэтому момент их прихода в область между Цару и Ханааном был и моментом прихода туда Израиля. Из общего же тона надписи Сети ясно, что царь имел дело с недавно вторгнувшимся племенем, а потому мы можем и первый год его царствования (1313 г.) рассматривать началом внедрения Израиля в свою новую родину. Стела же Мернепта относится к 1220 г., следовательно Израиль находился в области, где его застала наша надпись, лишь около 90 лет. Этот факт столь недолгого пребывания евреев на своей новой родине для нас чрезвычайно важен. Он, в связи с близким соседством Израиля к Египту. делает возможным приход народа Яхве в страну Израиля и после 5 года Мернепта. Без допущения этих двух фактов и при предположении обратного, т. е. долгого пребывания Израиля в далеких горах Ефраима, является прямо немыслимой возможность прихода евреев в Египет в столь позднее время, в конце 13 столетия, и поэтому ни Эд. Мейер, ни другие ученые не могли даже высказать ее. Единственный, который пришел к этой догадке, был Eerdmanns. Он, установив возможность прихода Израиля до Мернептаха и веруя в достоверность

Библии, должен был придти к предположению прихода Яхве после 1220 года, года составления нашей стелы. Конечно подобная гипотеза, столь радикально расправляющаяся с традиционным изображением событий, должна была вызвать ожесточенную оппозицию, или полное игнорирование ее. И это тем более, что Eerdmanns не взял на себя труд разобраться в тех предпосылках, которые удерживали его предшественников от этой гипотезы. Он не пытался решить самостоятельно вопрос о родине Израиля по данным стелы Мернептаха. Он, подобно Эд. Мейеру, допускает, что Израиль уже тогда жил в Палестине там, где и жил впоследствии, правда, еще не покорив ее окончательно. Он даже полемизирует с Фолькерингхамом, нашедшим посевы Израиля на крайнем юге, в области пограничной к Египту (пр. 128). Вопрос о времени прихода Израиля в Ханаан Eerdmans оставляет открытым (пр. 129). Но, не разобравшись в этих вопросах, он не спра шивает себя, почему же Израиль, перешедший в состояние полуоседлости, оставил свои земли в далеком Ефраиме и отправился в Египет. Eerdmanns, правда, полагает, что время после Мернептаха благоприятствовало подобному предприятию, ибо оно было полно политических смут и неурядиц. Это действительно было так, но все же остается непонятным, почему надо было полуоседлому далекому народу воспользоваться тяжелым положением Египта для вторжения в него. Поэтому ясно, что гипотеза Eerdmanns'а о приходе Израиля после Мернептаха не могла встретить согласия в науке. Böhl называет ее, по крайней мере, „den radicalsten, aber geistreichsten Versuch einer Lösung dieser Schwierigkeit“ (т. е. то обстоятельство, что Израиль не мог ни при Мернепта, ни при его предшественниках придти в Египет) „bedeutet die Hypothese Eerdmanns“, но затем он уже полемизирует с точкой зрения его и приходит к иному выводу (пр. 130). M. Gemoll считает Eerdmanns'а „Israeltheorie völlig unmöglich und garnicht dis kutierbar (пр. 131). Gressmann же, придя к выводу об исходе Израиля при Рамсесе II, не счел даже нужным упомянуть теорию Eerdmanns'а (пр. 132). Но такое отношение к мнению последнего простительно, ибо гипотеза его является лишь механическим применением обратной возможности, не считаясь с трудностями, которые могут вытекать из подобного предположения. Я же, установив родину Израиля в южной части Палестины и степях Кадеша, установив его недавний туда приход, могу считать возможность его появления в Египте в конце XIII в. вполне

доказанным. Но появление Израиля в пределах Мизраима не только возможно, но и вероятно, ибо теперь, согласно свидетельству надписи Мернептаха, явилась необходимость оставления для народа Яхве своих насиженных мест: „Израиль ослаблен, его зерна нет“. Правда, это слово „pr—t“ „зерно“ не переводилось всеми исследователями одинаково (пр. 133). Некоторые понимали под „pr—t“ „семя“ и видели в этих словах намек на избиение мужского потомства Израиля, рассказанное в Исх. 1, 15—22. Но Spiegelberg, а за ним и Breasted привели еще ряд примеров употребления этого слова в аналогичном контексте (пр. 134). Из этих примеров вытекает, что „pr—t“ обозначает посев, зерно, а общий смысл всей фразы сводится к полному разгрому и опустошению страны. Такому же разгрому подвергся очевидно и Израиль в 5 году царствования Менепта. Но виновниками опустошения, как мы видели выше, были не египетские войска, а народы, хлынувшие с севера, которые вторглись впоследствии и в пределы Египта, из за стремления найти здесь пропитание: „они пришли к стране Египта, чтобы искать нужное для ртов своих“, говорит Мернептах в большой карнакской надписи о мотивах своих врагов. Возможно, что и разгром самой Палестины народами севера был вызван желанием найти там пропитание. В то время в Сирии вообще были неурожаи. Рамсес II помогал зерном Хетам, то же самое делал и Мернепта. Израиль, разгромленный этими голодными ордами и посев которого был уничтожен, стоял перед альтернативой: или умереть с голоду, или же выселиться, т. е. положение его удивительно совпадает с положением Иакова и его семьи, предшествующим их решению отправиться в Египет. И Израилю, как и братьям Иосифа, оставалась одна страна для переселения, именно Египет. Действительно, куда же ему было обратиться за помощью, если не туда. Север был разгромлен, восток— пустыня, оставался один Египет, страна, которая выдержала натиск северных варваров, как востока, так и запада, и продолжала быть житницей всего мира.

Правда, приход Израиля в Египет становится возможным лишь потому, что не Египтяне разгромили в 5 году его поля, а народы севера, ибо в обратном случае границы Мизраима были бы для него закрыты. Египтяне вряд ли приняли бы в пределы своего государства народ, ими же побежденный и приведенный на край гибели и т. о. еще более враждебный к ним. Поэтому исследователи, считавшие Мернеп-

таха виновником катастрофы Израиля, конечно, не могли допустить возможность прихода евреев в страну, разгромившую их. Лишь открытие Навилля о непричастности Мернептаха к событиям в Азии делает возможным и вероятным в связи с прочими установленными мною обстоятельствами приход Израиля в Египет после 5 года названного царя. Но если степень вероятности пребывания народа Яхве в Мизраиме на основании предыдущего исследования не маленькая, то все же для того, чтобы сделать свидетельство Библии о пребывании Израиля историческим фактом, требуется большее. Нам надо для этой цели доказать, что мы имеем в египетских текстах того времени действительное указание на приход Израиля в пределы Нильской долины, подобно тому, как мы находили свидетельства прихода Гиксосов или прихода Хоритов в эпоху Амарны. *И мы действительно имеем прямое указание на приход Израиля в Египет в одном из папирусов эпохи Мернептаха.* Папирус этот известен уже давно, цитировался он неоднократно во многих трудах, но никто до сих пор не представлял себе, какое важное событие повествуется им в сухой форме донесения египетского чиновника своему начальнику. Это известный папирус Anastasi IV, 4, 13 сл. (пр. 35). В виду того, что он издавался уже неоднократно, то я ограничусь здесь точным его переводом: „Нечто другое. Радость сердца для моего господина. Мы закончили (с даванием) пропуска племенам Шасу из (страны) Эдома мимо крепости Мернептаха, которая есть Цеку к прудам Пиөома Мернептаха, который есть Цеку, чтобы сохранить жизнь их и стад их на великом (пастбище) фараона". Уже при беглом прочтении папируса кидается в глаза поразительная аналогия его с библейским рассказом о приходе в Мизраим семьи Иакова. Мотивировка пропуска, чтобы сохранить жизнь самих Шасу и их стад совпадает с показаниями Священного Писания. Она же согласуется и с той картиной положения Израиля, которую мы должны были представить себе на основании стелы Мернептаха. Местность, куда были пропущены Шасу папируса, Пиөом-Цеку, упоминается и в Библии, в качестве города, стоящего в связи с пребыванием Израиля в Египте (пр. 136). Согласно свидетельству стелы Мернептаха о разгроме Израиля надо полагать, что число Израилитян, оставивших свою родину, было значительное, вероятно большая часть населения оставила опустошенную страну, чтобы найти в Египте спасение от голода. Это не противоречит

показаниям нашего папируса. Событие пропуска бедуинов из Эдома было, повидимому, не из маленьких, и число Шасу, допущенных в область Пиѳома, было довольно значительным. На это, кажется, указывает глагол „мы готовы“. Очевидно была целая переписка по этому поводу, вероятно начальник был извещен своими подчиненными и о начале пропуска Шасу. Все это призывает к отожествлению Шасу шестого Анастази-папируса с братьями Иосифа Библии и Израилем стелы Мернепты. И единственно, что удерживало исследователей от этого отожествления, напрашивавшегося само собой, было упоминание Эдома. Adwm Pap. Anast. фонетически, действительно, вполне соответствовало библейскому „Эдом“. Лишь один исследователь сомневается в правильности этого сопоставления, а именно Навилль в своей вышеупомянутой статье. Он сближает Adwm Pap. Anast. с Этамом (Исх 13, 26) на границе пустыни и который был достигнут Израилем после своего выхода из Суккота. Но сам Навилль предвидит, что „it will be objected, that this transcription does not quite agree with the laws of philology“. Поэтому его транскрипцию можно спокойно оставить в стороне и согласиться с общепринятой. И вот исследователи, исходя из вполне правильного фонетического понимания Adwm pap Anast. делали не совсем правильный вывод по существу. Они отожествляли бедуинов Эдома с Эдомитянами Библии и полагали поэтому, что свидетельство папируса Анастази относится также к этому народу. Но ими было пропущено одно важное обстоятельство, а именно, что Эдом нашего папируса детерминирован страной, а не народом и не является поэтому именем народа, а лишь именем местности. Следовательно папирус Анастази IV говорит нам не о библейских Эдомитянах, а лишь о бедуинах из страны Эдома. Очевидно племенное название этих бедуинов и имя области их оседлости еще не успели слиться друг с другом. То же самое наблюдение о несоответствии племенного имени и названия местопребывания мы сделали выше по отношению к Израилю стелы Мернептаха. Поэтому возможно сопоставить и бедуинов из страны Эдома и Израиля, причем в первом случае подчеркивалось место их происхождения, а во втором племенное название. Подобное сопоставление тем более возможно, что название местности „Эдом“ весьма древнее, во всяком случае существовавшее раньше прихода туда племен, называвшихся в Библии Эдомитянами. Оно упоминается уже в Тель-Амарн-

ской переписке. В письме № 256 нумерации Кнудцтона (пр. 137) упоминается страна „Gari". Начиная с стр. 22 мы читаем: „теперь, когда враждебны все (23) города страны Гари (именно) Udumu, Aduri (24), Araru, Mestu (25), Magdalim, Hinianabi (26) Zarki, завоевано Hawini (и) Jabisiba". Винклер отожествил Гари с часто упомянутым Хару. Это фонетически невозможно. Семитическое „g" и египетское „h" не соответствуют друг другу (пр. 138). Но до сих пор не удалось найти удовлетворительного отожествления для „Гари". Фонетически наиболее приемлемым казалось современное название долины Иордана „El-Ghôr", но по существу это оказалось невозможным, ибо города страны Гари лежали, поскольку их удалось определить, на крайнем юге Палестины. Поэтому Вебер пытался выйти из создавшегося затруднения предположением, что mâtu Gari (земля Гари) является опиской для mâti Ga-az-ri (земля Гезера). Но и его решение надо признать неудачным. Не говоря уже о том, что предположение описки всегда опасный выход из затруднения. Вебер сам должен сознаться, что некоторые из городов Гари „sehr weit südlich von Geser angenommen werden müssten" (пр. 139). Но затруднение отожествления клинописного Гари с какой нибудь подходящей местностью более поздней транскрипции не столь непреодолимо и для ликвидации его отнюдь не требуется искусственная гипотеза. Дело в том, что то же название El Ghôr, фонетически вполне совпадающее с Гари, имеется и на крайнем юге. Этим именем, кроме долины Иордана, названа и болотистая местность, лежащая на южном побережье Мертвого Моря, т. е. как раз там, где сидели когда то Эдомитские племена. Правда часть городов лежала сравнительно далеко от этой местности на юге Иудеи, но это обстоятельство не опровергает отожествления Гари и южного El Ghôr. Страна Gari-El Ghôr могла завоевать юг Иудеи подобно тому, как и Эдом владел тем же югом Иудеи (пр. 140) впоследствии, или Давид, исходя из того же Gari-El Ghôr завоевал себе лежащие к северу страны (пр. 141), Поэтому и страна Гари могла стать общим названием для области, выходящей, правда, за географические ее пределы, но находящейся в политической от нее зависимости (пр. 142). Города же страны Гари, поскольку они могли быть определены, относятся, как уже было сказано, к области южной Палестины. Единственный город, который не укладывался в эту географическую рамку являлся последний из перечисленных городов и чи-

тавшийся первоначально Jabis и сопоставленный поэтому с jbs что находится на севере в горах Гилеада. Но Knudzton сделал вероятным чтение ja-bi-si-ba и т. о. отожествление с названным северным городом отпадает, зато, правда, и не удалось его до сих пор отожествить с одним из городов юга. Из прочих городов письма № 256 удалось отожествить, кроме Udumu, о котором речь еще будет впереди: Aduri-Adwrjm современное Dûrâ к западу от Геброна, Araru-crwcr современное Arâra к северовостоку от Бершебы. Магдалим—magdl-gd совр. El Megdol к востоку от Аскалона. Hinianabi—cnb. совр. Anab к югозападу от Dômc, Zarki—совр. Bîr es Sarki между Maon и Мертвым Морем и наконец Hawini совр. Ghuwên к югозападу от Маона (пр. 143). Все эти города, как видно, лежали на юге Иудеи. Остается еще определение, первого из перечисленных городов, Udumu. Winckler, первый издатель Амарнской переписки, определил его Эдомом (пр. 144). Написание Uduma почти совпадает с транскрипцией Эдома последующей ассирийской эпохи. Но с этим отожествлением Uduma оказались несогласными последующие исследователи и определили его не Эдомом, а библейским Dwmh совр. Dôme между Хевроном и Беершебой (пр. 145). Но эта транскрипция фонетически менее приемлема, чем Эдом, ибо остается непонятной начальная гласная в Udumu (пр. 146). И по существу эта транскрипция отнюдь не удобнее „Эдома". Страна Гари-El Ghôr простиралась, как мы видели до южного берега Мертвого моря и город Udumu-Эдом представил бы эту часть данной области, при отожествлении Udumu с Dôme она осталась бы без представителя.

Я поэтому не вижу оснований отрицать транскрипцию Винклера, безупречную фонетически и удобную по существу. Область „Эдом" в таком случае старше, чем племя, родственное Израилю и названное в библии по имени ее „Эдомитянами". Поэтому никто не может отрицать возможность отожествления Шасу-евреев из страны Эдома не с Эдомитянами Священного Писания, а с Израилем стелы Мернептаха, область которого была разрушена и посевы которого не существовали, причем Израиль был именем самого народа, а Эдом названием страны, в которой он тогда пребывал. Существование столь тесной связи между Израилем и Эдомом и притом связи необ'яснимой одним лишь родством племен Эдома и Израиля, находит свое подтверждение и в традициях Библии. Так во Второз. 23, 8 мы читаем: „Эдомитян,

ты не должен презирать: ибо они твои братья; также Египтян ты не должен презирать, ибо ты пребывал в стране их чужеземцем". Эти два народа единственные, которые выделяются среди прочих народов; от всех других, Израиль должен безусловно ограждать себя. Поражает соединение Израиля, Эдома и Египта, как будто событие пребывания Израиля в Египте создало какую то более интимную близость между этими тремя народами. Но еще более доказательными для связи Израиля с Эдомом, именно как с названием области, являются следующие стихи знаменитой песни Деборы, наиболее древней части Священного Писания, восходящей к XI столетию (пр. 147). В Суд. 5, 3 мы читаем: „Прислушайтесь цари. Внимайте князья! Я хочу Яхве, я хочу петь, хочу играть Яхве, Богу Израиля. Яхве, когда ты сходил с Сеира, выступал с полей Эдома, дрожала земля, текли небеса, текли тучи водой; горы колебались пред Яхве, этот Синай перед Яхве, Богом Израиля". Если древнейший текст Библии связывает Яхве с Сеиром и Эдомом, то, очевидно, местом происхождения культа Яхве был именно Эдом и его горы Сеир. Там же где было место пребывания Бога, там же, очевидно, и была первоначальная родина народа его; а в таком случае древнейшее свидетельство Библии отожествляет прародину Израиля с Эдомом (пр. 148). Это обстоятельство делает почти несомненным мое отожествление Шасу из страны Эдома с Израилем стелы Мернептаха. Окончательно же доказывается это отожествление тем обстоятельством, что и по свидетельству стелы Мернептаха как мы выше видели, Израиль кочевал в области к югу от Палестины т. е. в той же области Эдома. Израиль должен был оставить после разгрома варварами севера свою родину и египетское правительство имело столько человеколюбия, чтобы пропустить их на великие казенные пастбища около Пифома. Возможно, что не все оставили тогда горы Сеира, часть осталась в стране, которая после ухода стольких могла прокормить остающихся. Очень вероятно, что оставшиеся с течением времени забыли свое первоначальное племенное название Израиль и стали называться именем той области, в которой они сидели „с древности" Эдомитянами. Братья же их ушедшие с гор Сеира пустыней на запад в страну Мизраим, сохранили свое старое племенное имя не успев приобщиться к какому-либо месту и обреченные еще на долгие годы скитаний (пр. 149). Но каковым бы ни было отношение Израиля к „брату своему" Эдому, приход Израиля в

Египет теперь может рассматриваться достоверным историческим фактом. Мы имеем прямое свидетельство египетского памятника о приходе его в область Пифома-Суккот, в место будущих страданий и мук его. Такой неожиданный результат нашего исследования, нас не должен поражать. Уже а приори можно было предположить, что попытка отыскать свидетельство прихода Израиля в Египет увенчается успехом. Приход даже маленького кочевого племени был большим событием для Нильской долины. Историки, считавшие подобное событие маловажным исходили из современных условий и их чисел. Для стран древнего Востока племя в несколько тысяч человек, даже несколько сот представляло крупную силу, с которой надо было считаться и приход которого, если он вообще мог быть допущен, должен был быть тщательно отмечаем. Вспомним, что Бенихассанский номарх счел нужным упомянуть о приходе только 37 азиатов в свой ном (пр. 150). Уяснив себе это, нам станет понятной наличность у Манефона различных версий прихода евреев в Египет. Он решил сопоставить приход Израиля с каким-нибудь свидетельством появления Азиатов в пределах Египта. Если бы в его источниках было лишь одно свидетельство подобного рода, то его положение было бы значительно упрощено, но он нашел целых четыре упоминания об аналогичных событиях: 1) нашествие Гиксосов в период перехода от среднего к новому царству, 2) приход Азиатов под давлением переселения еврейских племен в эпоху Амарны, 3) появление Израиля в царствование Мернептаха и 4) вторжение Ассирийцев. И вот между этими событиями пришлось выбирать Манефону. Ясно, что он, не располагая ни хронологическим, ни иным критерием, мог выйти из затруднения, оставаясь честным историком, лишь установив несколько версий прихода евреев. Т. о. результат нашего исследования кидает благоприятный свет и на метод работы столь часто порицаемого Манефона. Он, по крайней мере пытался добросовестно решить свою задачу. Но если Израиль в царствование Мернептаха действительно пришел на пастбище Пифома, то перед нами встает вопрос, какое же отношение было между ним и теми срг-евреями которые уже упоминаются в эпоху XVIII дин., а во время XIX дин. даже работают в городе Рамсесе и Мемфисе над построением храмов Рамсеса II (см. гл. 1). срг—евреи XVIII дин. были передовой волной еврейских племен и отношение между ними и Израилем было аналогично отношению так называемых

„Ахейцев“ Микенской эпохи к ионийским и дорийским племенам. Шасу же Сети I и Евреи Рамсеса II были прямыми предками Израиля. Они являлись той волной еврейских племен, которые вторглись, первоначально, не с севера, а с юга в Палестину, еще не дифференцировавшись от прочих племен, по крайней мере в сознании инородцев, продолжавших их называть общим именем еврей-хабиру-шасу-кочевник. В эпоху Мернепта чужеземцы уже познакомились с именем этих племен, сидевших на юге Палестины „Израиль“ и называли их иной раз так, а иной раз и прежним общим именем Шасу или срг (пр. 151). Евреи, попавшие в Египет до прихода туда Израиля почти в полном своем об‘еме в царствование Мернепта, вероятно слились окончательно с новыми пришельцами и традиции их и традиции Израиля переплелись в одно цельное предание.—Каковы же были дальнейшие судьбы Израиля в Египте? Мы теперь убедились в достоверности одной части Библейского предания, а именно, рассказывающей нам о приходе Израиля в Египет, и поэтому мы можем уже а приори более доверчиво относиться и к другим частям его. Действительно некоторые события, заполнившие египетскую историю после смерти Мернепта удивительно напоминают нам эпизоды Библейского предания об Иосифе (пр. 152) и о Моисее. После смерти Мернепта наступают в скором времени смуты столь характерные для переходных эпох Египта. Эта эпоха перехода от XIX дин. к XX оставила нам очень мало памятников и поэтому нам пришлось бы лишь гадать о том, что свершилось тогда в многострадальной египетской земле, если бы не счастливый случай, подаривший нам тот великолепный памятник, который является наибольшей гордостью нашей науки, а именно великий папирус Харрис. На последних страницах этого величайшего по об‘ему папируса, царь Рамсес IV, составивший этот текст для отца своего Рамсеса III, повествует устами последнего о следующих любопытных событиях: „Слушайте, обращается он к людям, чтобы я мог рассказать вам о тех благодеяниях, которые я совершил, пока я был царем народа. Страна Египта была оставлена, каждый бежал справедливости. Они не имели главу в течение многих лет до наступления других времен. Страна Египта была в руках вельмож и правителей городов. Каждый убивал своего соседа. Пришли после этого другие времена, с пустыми (т. е. голодными) годами и один Хару, который был с ними, сделал себя начальником. Он

сделал всю страну подвластной. Он собрал своих товарищей и грабил их (т. е. Египтян) имущество. Они сделали богов равными люди и не приносились жертвы в храмах". Затем поветствуется о вступлении на престол Сетнахта отца Рамсеса III (пр. 153). Я думаю, каждому прочитавшему эти строки папируса Харриса, невольно всплывут в памяти отрывки из Библейских преданий. Он вспомнит и годы голода и рассказ об Иосифе, занявшем первенствующее положение в Египте. И действительно, коль скоро Израильтяне сохранили традицию о своем пребывании в Египте, они могли сохранить и глухое воспоминание о том высоком положении, которое занял один из людей их народа, или же родственных им племен, пребывавших также в Египте.

Если же этот Хару и Израиль находились в какой-нибудь связи друг с другом, то, конечно, отсюда с необходимостью вытекало и изменившееся отношение к ним египетскаго правительства. Если оно до того относилось к ним более или менее благожелательно, то теперь подобное отношение должно было резко измениться и должны были начаться те притеснения, о которых нам повествует Священное Писание. С тем большей необходимостью это должно было случиться потому, что события, которые происходили в Азии, и в частности на родине Израиля в горах Сеира, требовали того же самого. В 8 году Рамсеса III пронеслась новая гроза над Египтом. Вторая волна народов севера обрушилась на него и лишь энергия великого царя и доблесть египетского войска спасли страну от разгрома, В этом нашествии, кажется, приняли участие и те остатки Израиля, которые продолжали сидеть в горах Эдома. По крайней мере Рамсес III, описав поражение северян, переходит к описанию похода на бедуинов гор Сеира: „я разгромил народ Сеира из племени Шасу. Я разгромил палатки их народа, их имущество, также скот их без числа. Они были связаны и приведены пленными, в качестве добычи Египта. Я отдал их богам, как рабов в храмы их" (пр. 154). Из этих слов мы видим, что Израиль действительно пережил свою пору страданий и мук в Мизраиме, и что т. о. важнейшие вехи пребывания его в Египте являются подлинной историей. Любопытно отметить, что и фараоном страданий Израиля являлся Рамсес. Правда Библейская традиция отожествила его с Рамсесом II, но подобное смешение царей с одинаковым именем бывает сплошь и рядом. В данном случае это тем более возможно, что в традиции Священного Писания могли сказаться и воспоминания

евреев, попавших в египетскую неволю еще при Сети I и, действительно, пережившие эпоху Рамсеса II.

Нам остается теперь рассмотреть последнюю пору пребывания Израиля в Египте, а именно вопрос об исходе. Можем ли мы и для него найти более или менее точную дату, какую нам удалось установить для прихода? Мы знаем, что конец XX дин. совпал с окончательным рушением великодержавности Египта и поэтому Eerdmanns полагает, что именно в эту эпоху смут и Израиль мог удобнее и безопаснее оставить пределы Египта (пр. 155). Я не думаю, что подобное предположение было бы вероятным. Конец XX дин. знаменуется такой разрухой в стране, что Израилю было выгоднее оставаться здесь и снова сделать попытку, которая им была сделана после Мернептаха, и возвела на престол Египта некоего Хорита. Поэтому надо полагать, что Израиль бежал раньше этого, а именно тогда, когда государство Египта лишь временно ослабело, но имелось полное основание ожидать, что оно снова окрепнет и снова наложит свою тяжелую руку на народ Яхве. Конечно, при сильном правительстве Рамсеса III подобное бегство было невозможно. Египет тогда, как и при Рамсесе II, наверное был зщищен договорами с другими государствами о выдаче таких беглецов. Параграф подобного содержания дошел до нас в известном мирном договоре Рамсеса II с Хеттами: „Если бежит вельможа страны Египта и придет к великому князю Хетов, или из какого либо города, или области стран Рамсес Мериамуна, великого правителя Египта, и они придут к великому князю Хетов, тогда великий князь Хетов не должен их принять, но великий князь Хетов должен способствовать тому, чтобы их привели обратно к Усермара-Сетепенра (Рамсесу II) великому правителю Египта, их владыке (10). Или же, если бежит один человек, или двое, которые неизвестны (т. е. незнатные) и они придут в страну Хетов, чтобы сделаться чужими подданными, то они не должны быть поселены в стране Хетов, но должны быть приведены обратно к Рамсесу Мериамуну великому правителю Египта“ (пр. 156). Интересно отметить, что договор предусматривает лишь бегство отдельных личностей, очевидно бегство целых племен было невозможно при нормальном состоянии египетского государства. Из рассказа Сенухета мы знаем с какими трудностями приходилось бороться и отдельному человеку при своем тайном переходе египетской границы (пр. 157). Поэтому исход Израиля не

мог свершиться в расцвет царствования Рамсеса III, когда Египет снова переживал период возрождения своей мощи. Но это время расцвета было непродолжительно и уже конец царствования Рамсеса III был заполнен смутами. Во время этих смут царь был убит, и вступил на престол сын его Рамсес IV (пр. 158). И я вот полагаю, что именно в этот период перехода царствования Рамсеса II к царствованию Рамсеса IV произошел исход. В эпоху гражданских войн граница была менее охранена и может быть даже вполне обнажена. Поэтому крепостные Израильтяне могли сравнительно безопасно оставить пределы Египта и они, конечно, должны были этим воспользоваться под свежим впечатлением тех страданий, которые им пришлось перенести при только что погибшем царе и из за боязни возвращения тех же страданий в случае нового оздоровления Египта. С традицией Священного Писания великолепно бы согласовалась и трагическая кончина фараона притеснения, если и не в волнах моря, то от руки убийцы, которая могла быть направлена местью Яхве. Но кроме этих соображений мы, может быть, даже имеем и прямое указание на исход в этот период. До нас дошел один чрезвычайно любопытный остракон Туринского музея, написанный в 4 году царствования Рамсеса IV писцом Өиванского некрополя Аменнахтом, списавшим его, очевидно, с какой нибудь официальной стелы. Содержанием его служит описание того благополучия, которое разлилось по Египту с момента восшествия на престол Рамсеса IV: „О счастливый день, небо и земля ликуют, ибо ты (стал) великим владыкой страны Кеми. Те, которые (находились) в бегах, они возвращаются в свои города (или деревни), те, которые скрывались выходят, те, которые были голодными, насыщаются, те, которые страдали от жажды, пьяны, те, которы (были) нагими, они одеты в тонкое полотно, те, которые были в лохмотьях, они в белых одеяниях, те, которые были в темнице, они выпущены на свободу, те, которые (были) грустными, они в радости, те, которые смутами терзали страну, они сделались спокойными... потому, что ты мой царь Хик-Ма-Ра Сотеп-ен-Амон, сын Ра Рамсес настоящий взял диадемы своего царства“ (пр. 159). В лице этого острокона судьба подарила нам, очевидно, unicum, не сохранившийся не только от какой либо иной эпохи Египта, но и вообще истории Востока. Перед нами ничто иное, как восхваление эдикта милостей, который сопровождал восшествие на престол Рамсеса IV. До

известной степени он носит типические черты. Вероятно всякое коронационное торжество сопровождалось народным торжеством в связи с выдачей еды, питья, одежды и т. п. Выход из тюрьмы указывает и на амнистию преступников. Но с другой стороны отразились, кажется, на нем и те серьезные потрясения, которые перенес тогда Египет до вступления на престол Рамсеса IV. На них указывают начальные строки нашего текста: „те, которые (находятся) в бегах, они возвращаются в свои деревни, те, которые скрывались, выходят". Эти беглецы были, правда, явлением не редким в истории Египта, но в эпоху расцвета они представляли лишь единичные случаи, о чем свидетельствует например, договор Рамсеса II с Хеттами. В эпоху же упадка и смут, они становятся массовым явлением, ср. например, πεφυγηκότες греческих папирусов III в. по Р. X. (пр. 160). Очевидно и Туринский папирус повествует нам о большом числе этих беглецов, коль скоро он говорит о них прежде всего. Это обстоятельство, да название Рамсеса IV „истинным" Рамсесом в связи с общим характером предшествующих событий и указывают нам на то, что в разбираемом нами тексте нашли отклик своей смуты конца царствования Рамсеса III. Если в этих смутах играло, как я уже сказал, большую роль массовое бегство крепостных, то невольно приходит в голову мысль, что среди этих беглых крепостных были и евреи и Израильтяне, которые бежали из своих деревень в Wadi Tumilat, ибо „беглецы возвращаются" еще не доказывает, что все беглецы возвратились, часть их могла и не возвратиться. В таком случае Рамсес III был бы, действительно, фараоном и притеснения и исхода евреев, что, как мы видели, великолепно согласуется с показаниями Священного Писания. Но такому предположению, казалось, противоречит то обстоятельство, что еще при Рамсесе IV в 4 году его царствования были посланы в Хамаматские каменоломни 800 евреев из Ану около Суккота, где в эпоху Мернепта были поселены Израильтяне. Но как раз это обстоятельство еще более подтверждает библейское предание об Исходе. Мы знаем о ропоте народа в пустыне, о желании некоторых слабых духом возвратиться к сытной жизни Египта. Библейское предание умалчивает по понятным причинам о том, что часть евреев не выдержала и вернулась к хлебу и неволе Мизраима. Зато об них свидетельствует Туринский остракон и из их числа и были посланы 800 человек в каменоломни Хамамата. Вернувшиеся в Египет

евреи вероятно скоро растворились в общей массе населения, братья же их, оставшиеся в пустыне, продолжали свой путь к обетованной земле. Если т. о. датой Исхода является действительно, смерть Рамсеса III, то он падает на 1170 г. до Р. Х. Приход же Израиля, установленный нами в эпоху Мернепта совпадает с 1220 г. до Р. Х. Следовательно пребывание Израиля в Египте обнимало лишь 50 лет. Более долгая хронология Ветхозаветного предания об'ясняется слиянием традиций Израиля с традициями евреев-Шасу Сети I, Хоритов Амарнской эпохи и, наконец, Хиксосов. Согласование же столь поздней датировки Исхода Израиля с хронологией последующих событий истории его, ср. пока Wellhausen, Prolegomena [3], стр. 241.

Мы пришли к концу нашего исследования. Мне думается, оно дало известные результаты. Египетские тексты, оказалось, подтверждают важнейшие вехи Библейской традиции о пребывании Израиля в Мизраиме. Они нам дают возможность даже установить точные хронологические рамки этого события. О громадном значении этого факта, для нашей оценки, Библии, как исторического источника, говорить не приходится. Если результат моего исследования соответствует действительности, то надо будет перестроить до известной степени критику первых книг Священного Писания.

В. Струве.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Пр. 1. Здесь можно найти и соответствующие свидетельства Манефона in extenso, а также указания и на всю научную литературу.

Пр. 2. Ibidem. Это имена теофорные, составленные из имен семитических (гиксосских) божеств Яков и Сим с египетским глаголом.

Пр. 3. Гл. 26 сочинения Іосифа Флавия „contra Apionem".

Пр. 4. Ed. Meyer. Gesch. d. Alt. I[s], §§ 229, 232, 250, 266, 287, 289, 290.

Пр. 5. Правда тексты др. ц. свидетельствуют о населении не самой Палестины, а лишь пограничных с ней с севера и юга областей, Финикии и Синайского полуострова. Но коль скоро и в Финикии и на Синае население было однородным, то и в Палестине оно очевидно принадлежало к той же расе.

Пр. 6. На это указывает между прочим и географическая номенклатура Палестины, в большинстве случаев семитическая. Ср. Ed. Meyer l. c. § 354 A.

Пр. 7. Ср., напр., известное изображение 37 азиатских кочевников, принятых в пределы Бенихассанскаго нома при царе Сезострисе II (ок. 1900 г. д. Р. Х.). Они, судя по имени их вождя ibs, (см. M. Burchardt, Die Altkanaanäischen Fremdworte u. Eigennamen im Aegyptischen, II, 2) семиты и все их лица еврейския, ср. в особенности мальчика во втором ряду, важно выступающего с копьем в руках за ослом, несущим 2 его братьев—тип современного еврейского мальчика (L. D. II, 133).

Пр. 8. Archiv für Anthropologie XIX, 1890.

Пр. 9. Bissing-Bruckmann, Denkmäler aegyptischer Sculptur, текст к табл. 33а и указанная там литература.

Пр. 10. Или, „яфетическая" по терминологии академика Н. Я. Марра.

Пр. 11. Ed. Meyer. l. c. § 468.

Пр. 12. Из аннал Тутмоса III ясно вытекает, что эти марианны не представляют себою особый класс (аристократию) туземного населения.

Пр. 13. Это название Канаан появляется лишь впервые в середине II тысячелетия и потому вполне допустима догадка Böhl'я, что Канаан, не производимый из корней западно-семитического языка, являлся первоначально названием Кананитского народа, пришедшего с севера, загнавшего Амореев в горы и давшего с течением времени имя стране, в которой он поселился, подобно тому, как имя Филистимлян живет и поныне в „Палестине". Ср. Böhl. Kanaanäer и Hebräer. стр. 9 сл.

Пр. 14. W. M. Müller, Egyptological Researches vol. II (1906 г.) табл. 7—28 и текст к ним на стр. 27—39 и 41—49.

Пр. 15. По крайней мере в брошюре, где количество страниц само собой является ограниченным, а задача научного использования типических изображений египетских гробниц для решения расовой проблемы жителей Палестины весьма заманчиво. Во всяком случае скороспелые выводы пресловутого Chemberlain'а требуют самого тщательного пересмотра.

Пр. 16. В лице Телль Амарнской переписки дошел до нас архив министерства иностранных дел царя Эхнатона, найденный в Телль Амарне в среднем Египте, среди развалин столицы этого царя. Архив состоял из клинописных таблетек, содержанием которых служила переписка фараона и князей передней Азии. Изданы они в транскрипции и переводе наиболее удовлетворительно Knudzton'ом.

Пр. 17. Böhl. l. c. стр. 26 сл.

Пр. 18. Knudzton l. c. стр. 49—52 и Weber там же, стр. 1137.

Пр. 19. Сцепление семитического abd с именем хетской богини Hipa, ср. Weber. l. c. стр. 1147.

Пр. 20. Ср. сообщение Winckler'а у Böhl'я l. c. стр. 87.

Пр. 21. Knudzton. l. c. № 162, стр. 655.

Пр. 22. H. Winckler. Vorderasien im 2 Iahrtausend (Mitt. d. Vorderas. Gesellsch. 1913,4 стр. 92 и 97.

Пр. 23. Knudzton. l. c. № 52 стр. 547.

Пр. 24. Zimmern b. Zeitschr. d. Deutschen Palästina-Vereins. XIII (1890), стр. 137 и C. R. Conder в Palestina Exploration Fund, Quarterly Statement, 1890, стр. 327.

Пр. 25. Ср., напр., слова Weber'а, комментатора Амарнской переписки: l. c. стр. 1136.

Пр. 26. Иератическим письмом называется тот курсив, которым иероглифы пишутся на папирусах.

Пр. 27. Chabas. Les Hébreux en Égypte. в Mélanges Egyptol. 1862, стр. 42—52.

Пр. 28. Brugsch, dictïonnaire géograph. (113 сл.).

Пр. 29. Эти срг-матросы написаны идеографичиски, как вообще обычно пишется глагол срг, а срг папирусов Chabas пишется всегда фонетически.

Пр. 30. Ed. Meyer, Gesch. Aegyptens, стр. 297 пр. 1.

Пр. 31. L. с. стр. 83.

Пр. 32. Ср., напр., слова Gressman'я, Moses u. seine Zeit, стр. 405, пр. 1.

Пр. 33. Sethe, Urk. d. 18 Dyn. 783, 53, 54.

Пр. 34. W. M. Müller, Asien u Europa, стр. 157 сл.

Пр. 35. Записана сказка на папирусе XX дин., м. б. она и составлена была тогда, а не в XVIII дин., и отражала условия быта времени своего составления.

Пр. 36. Перевод Бальмонта, Египетские сказки, Москва 1917, стр. 56—57.

Пр. 37. P. Leid. I, 348, Verso, Kol. VI, стр. 4 сл.

Пр. 38. P. Leid. I, 349, Verso стр. 13 сл.

Пр. 39. табл. 31,8 см. Breasted. Anc. Rec. VI. § 281.

Пр. 40. Lepsius, Denkmäler. III 293,e.

Пр. 41. M. Burchardt. l. c., стр. 2 сл.

Пр. 42. Erman. Aeg. Gram. § 101.

Пр. 43. Ibidem. § 105.
Пр. 44. Ibidem. § 102.
Пр. 45. Böhl. l. c., стр. 76.
Пр. 46. См. M. Burchardt. l. c. § 50.
Пр. 47. Ср. слова Böhl'я, l. c. стр. 76.
Пр. 48. E. Sellin. C. Watzinger, Leipzig, 1913, стр. 182.
Пр. 49. Любопытно при этом отметить, что результаты раскопок удивительно согласуются с показаниями В. З. ibidem.
Пр. 50. W. M. Müller. Asien u. Europa стр. 27.
Пр. 51. Ср. IV письмо Абдихип, стр. 26: Вплоть до стран Сеира и до Гинтикирмиля (какого нибудь города Кармеля) теряются. они (т. е. города) для всех правителей (Knudzton. l. c. № 288, стр. 871). К северу от Кармеля очевидно начинается сфера влияния другой Хабирской волны.
Пр. 52. L. D. III, 126a, b, 127a, 128a, b.
Пр. 53. К ней мы еще вернемся. См. следующую главу.
Пр. 54. L. D. III, 126a.
Пр. 55. L. D. III, 128a.
Пр. 56. Здесь Хару обозначает юг Палестины, и вообще о значении Хару и Канаана в египетских надписях см. ниже, следующую главу.
Пр. 57. Aegyptiaca, стр. 75—76.
Пр. 58. Brugsch. Geogr. Inschr. II, 53; Erman, Glossar стр. 126 и M. Burchardt. l. c. II, стр. 45.
Пр. 59. Böhl. l. c. стр. 88.
Пр. 60. L. D. III, 128b.
Пр. 61. Их сопоставляли когда то с Осками.
Пр. 62. Pap. Harris pl. 76—77, см. перевод Breasted. Anc. Rec. V, § 403—405.
Пр. 63. Эти пленные негры наверное результат его экспедиции в Пунт, упоминаемой им на табл. 77—78 папируса Харрис (см. § 407 l. c. Breasted'a).
Пр. 64. P. Har. pl. 51a, 9.
Пр. 65. Об этом названии см. Ed. Meuer. Gesch. d. Alt. I § 227.
Пр. 66. P. Har. pl. 8, 9. Breasted. l. c. § 217.
Пр. 67. Ibidem. pl. 31, 8.
Пр. 68. Küthmann, Die Ostgreuze Aegyptens, стр. 27 сл.
Пр. 69. Pap. Anast. VI, 4, 14. Об этом тексте речь еще будет ниже, см. гл. 2.
Пр. 70. Kundzton, l. c. стр. 47.
Пр. 71. Sayce, Expository Times, XV, 1904, стр. 282 сл.; Halévy, Revue sémitique XII 1904, стр. 246 сл.; Gemoll, Israeliten und Hyksos стр. 15 сл.
Пр. 72. H. Winckler, l. c. стр. 100—101. Остроумная догадка Halévy о касситском происхождении Хабиру на основании материала, найденного в Тель-Таанаке (l. c.) не подтвердилось последующими находками в том же городе. Ср. E. Sellin,—Eine Nachlese auf dem Tell Ta'annak in Palästina, 1905, стр. 35.
Пр. 73. Zeitschr. f. d. Alttest. Wissensch, 1909, 275—280 и „Die Einwanderung der Hebräer u Israeliten in Kanaan, Zeitschr. d. deutsch. Morgenländ. Gesellschaft, 1912, стр. 365 сл.
Пр. 74. Böhl, l. c. стр. 78.

Пр. 75. Напр. Marquart, Chronologische Untersuchungen, стр. 31 сл.; в русской науке высказал этот взгляд в весьма оригинальной и остроумной форме А. Л. Коцеиовский в своей пробной лекции, прочитанной им в 1915 г. при Петроградском университете.

Пр. 76. Жалкие остатки этой пышной гробницы см. Boeser и Holwerda, Beschreibung der ägyptischen Sammlung des Niederländischen Reichsmuseums in Leiden, Haag 1905 т. III.

Пр. 77. См. выше § 3 и Boeser. l. c.

Пр. 78. Boeser, l. c. т. III и перевод Breasted. l. c. III, § 11.

Пр. 79. Ed. Meyer. Gesch. d. Alt[3] I, § 467 и А.

Пр. 80. Тем более, что оно могло оказать известное влияние и на религиозное мышление Израиля, также долгое время пребывавшего в Сеире (см. ниже главу 2).

Пр. 81. Äg. Zeitschr. 34 (1896 г.), стр. 1 сл.

Пр. 82. Обзор этой литературы см. Breasted. Anc Rec. III § 602, пр. d.

Пр. 83. Dümichen, Historische Inschriften I табл. 1 сл.

Пр. 84. W. M. Müller, Egyptological Researches I, табл. 1—39. Перевод Breasted. l. c. III § 574 сл.

Пр. 85. Maspero, Äg. Zeitschr. 1883 г. стр. 65—67. Ср. Breasted l. c III § 596—601.

Пр. 86. Äg. Zeitschr. 1896 стр. 14.

Пр. 87. P. Anast. pl. V и VI verso.

Пр. 88. The Journal of Egyptian Archaeology 1915, стр. 195.

Пр. 89. Что же касается фразы, следующей за описанием разгрома Сирии и Палестины: „все страны соединены в мире, тот кто бродил, связан царем Мернептахом“, то она не противоречит этому, она слишком общая фраза и стоит как то отдельно от предыдущего. Об ней см. еще ниже.

Пр. 90. L. c. стр. 201.

Пр. 91. Последний перевод этого папируса: Breasted. l. c. III § 630—635.

Пр. 92. Возможна описка для Газы.

Пр. 93. Pap. Anast. III, как и прочие папирусы этого собрания, находящегося теперь в Британском музее, принадлежали молодым людям, которые служили в одном из управлений и одновременно обучались каллиграфии и элегантному стилю. См. G. Moller, Paläographie II, стр. 10.

Пр. 94. W. M. Müller, Asien и Europa стр. 198 сл.

Пр. 95. Этот „Колодец Мернептаха“, очевидно, идентичен с mcjn mj nptwh, πήγη ὕδατος Ναφθώ Jos. 15, 9 и 18, 5, которое теперь, согласно открытию Calice (Orientalist. Lit. Zeit. 1903, 224) надо понимать как „источник Менефты“. Этот источник лежал к северо-западу от Иерусалима.

Пр. 96. Перевод Navill'я „Хета в мире“ не вполне точно передает смысл оригинала. Хета до того находилась в вражде с Египтом. По крайней мере в своей Карнакской надписи Мернепта с горечью устанавливает факт неприязни Хетов, несмотря на то, что он помогал им зерном. Ср. Breasted. l. c. III, пр. h стр. 244.

Пр. 97. Согласно вполне правильному пониманию Navill'я.

Пр. 98. Пр. Перевод Novill'я „уводится Аскалон, в качестве пленного Гезером“, грамматически, пожалуй, возможен, но нарушает построение текста, в кратких фразах описывающего разгром отдельных частей Сирии и Палестины. Мое же понимание, не

нарушая структуры текста, и грамматически вполне возможно, ибо эллипсис весьма обычен в египетских текстах.

Пр. 99. Этот список Палестинских и Сирийских местностей являлся, как бы заменой отсутствующей в стеле Израиля победы над эгейскими народами, это словно символ ее.

Пр. 100. L. c. III, стр. § 602 сл.

Пр. 101. I. Marquart, Chronol. Untersuchungen, Leipzig 1900, стр. 39 сл.; W. Spiegelberg, Der Aufenthalt Israels in Ägypten, Strassb. 1904; W. M. Flinders Petrie, A history of Egypt. III. London. 1905 p. 114.

Пр. 102. Eerdmanns, l. c., стр. 59.

Пр. 103. K. Miketta, der Pharao des Auszuges (Bibl. Stud. ed. Bardenheuer VIII, 2) Freib. i. B. 1903. A. Ieremias, Das A. T. im Lichte des A. Orient, 2 Aufl. Leipzig 1906, стр. 400 сл. Lieblein l'exode des Hebreux Proc. Soc. Bibl. Arch. XX. H. Gressmann, Mose und seine Zeit, Göttingen 1913, стр. 400 сл.

Пр. 104. К аналогичному выводу пришли F. Böhl, Kanaanäer und Hebräer, стр. 77 сл. и M. Gemoll, Israeliten und Hyksos, Leipzig, 1913, стр. 52 сл.

Пр. 105. Alttestamentliche Studien II и Die Vorgeschichte Israels, стр. 67 сл.

Пр. 106. Folkeringham, The Chronology of the O. T. Cambridge, 1906 и Lehmann Haupt, Israel, seine Entwickelung im Rahmen der Weltgeschichte, 1911, стр. 36 сл.

Пр. 107. L. c. стр. 223.

Пр. 108. Ibidem и см. еще его Gesch. d. Alt.[3] I[3], § 354 A.

Пр. 109. W. M. Müller, Asien u. Europa, стр. 201.

Пр. 110. L. c., стр. 224.

Пр. 111. L. c., стр. 404. Каким образом он это свое наблюдение соединяет со взглядом Ed. Meyer'a на местопребывание Израиля, психологическая загадка.

Пр. 112. Knudzton, l. c. № 287, стр. 865.

Пр. 113. Ibidem, № 288, стр. 25—26 и слова Weber'a на стр. 1340.

Пр. 114. F. Böhl, l. c. стр. 2 сл.

Пр. 115. Тексты эти все перечислены у M. Burchardt'a l. c., II стр. 51 № 988.

Пр. 116. L. D. III, 126,a, 5. Breasted. l. c. III, § 88.

Пр. 117. Перечисление их см. L. D. III, 131,a; Breasted. l. c. § 114.

Пр. 118. W. M. Müller, Asien u. Europa. стр. 205.

Пр. 119. A. H. Gardiner Egyptian hieratic texts, Ser. I, p. I, стр. 28 (перевод) и стр. 76 (иероглифическая транскрипция).

Пр. 120. Ср. Breasted. l. c. IV, § 219.

Пр. 121. См. выше стр. 23.

Пр. 122. Вспомним и то, что было выше сказано о характере географических списков Тутмозиса III.

Пр. 123. H. Gressmann. Mose u. seine Zeit, стр. 394, Wellhausen, Prolegomena[3], стр. 344; Geschichte[3], стр. 11.

Пр. 124. Ed. Meyer, Israeliten, стр. 129 сл. Eerdmanns, l. c., стр. 38 сл. H. Gressmann, l. c. стр. 394 сл.

Пр. 125. H. Gressmann. l. c. стр. 394.

Пр. 126. l. c., стр. 223.

Пр. 127. Ср. песню Дебора, рисующей крестьянский быт Израиля.

Пр. 128. L. c. стр. 51, пр. 1. Полемика эта неудачна, ибо Хару охватывало и крайний юг
Пр. 129. Ср. l. c. стр. 71.
Пр. 130. L. c. стр. 82 сл. и 91 сл.
Пр. 131. L. c. стр. 13.
Пр. 132. L. c. стр. 404.
Пр. 133. Ср. библиографию переводов этой фразы у Breasted'a Anc. Rec. III § 603,a.
Пр. 134. Äg. Zeitschr 1896 (34), стр. 23 и Breasted, Anc. Rec. III § 604.
Пр. 135. Breasted. l. c. IV, § 66,23.
Пр. 136. Библиографию см. Breasted. Anc. Rec. III, 637.
Пр. 137. Цеку соответствует библ. Суккот. Суккот-Пиθом лежал в теперешнем Вади Тумилат ср. Küthman, Die Ostgenze Ägyptens, Berlin, 1911 г., стр. 37.
Пр. 138. № 237 нумерации Винклера.
Пр. 139. Ed. Meyer, Israeliten, стр. 330, пр. 1.
Пр. 140. Knudzton, El. Amarna Tafeln, стр. 1312.
Пр. 141. El. Meyer, Israeliten, стр. 446.
Пр. 142. H. Winckler, Israel, стр. 192 в Helmolt, Weltgeschichte т. III.
Пр. 143. Название долины Иордана тем же именем El. Ghôr об'ясняется очевидно переселением того народа, который сидел однажды на юге El. Ghôr, на север, куда он перенес номенклатуру своей прародины.
Пр. 144. Weber, l. c. стр. 1319.
Пр. 145. Geschichte Israels, I, стр. 45 сл.
Пр. 146. Weber, l. c. стр. 1319.
Пр. 147. Таково мнение В. К. Шилейки, высказанное мне устно.
Пр. 148. Budde, Geschichte der althebräischen Litteratur, стр. 7 сл.
Пр. 149. Ср. знаменитую Mussri—теорию Winckler'a, который иным путем пришел к тому же выводу, что первоначальным местопребыванием Израиля была область Эдома и степей к югу от него. См. H. Winkler., Altorientalische Forschungen. I, стр. 37 сл.
Пр. 150. Подобное предположение об общей родине Израиля и Эдома хорошо бы согласовалось с общим текстом сказаний Библии об отношениях Эдома и Израиля.
Пр. 151. Ср. здравые рассуждения о числовых данных надписей древнего Востока у Eerdmauns. l. c. стр. 77 сл.
Пр. 152. См. выше, примеры из эпохи Рамзеса III и Рамзеса IV.
Пр. 153. „Иосиф-Эль“ списка Тутмозиса III, как и многих других других важных вопросов, связанных с проблемой Израиля мнѣ невозможно коснуться за недостатком места.
Пр. 154. Pap. Harris. pl. 75, 2—5 и Breasted, Anc. Rec. IV. § 398.
Пр. 155. P. Harris. pl. 76, стр. 10—11; Breasted. l. c. IV, § 404.
Пр. 156. L. c. стр. 72 сл.
Пр. 157. W. M. Müller. Mitt. d. Vorderas. Ges. VII, таб. 9; Breasted. l. c. III, § 382, 383.
Пр. 158. Б. А. Тураев. Рассказ египтянина Синухета, стр. 15—16.
Пр. 159. Breasted. Geschichte Aegyptens, стр. 374—75.
Пр. 160. G. Maspèro. Etudes de Mythologie et d'Archèologie égyptiennes. т. IV, стр. 249 сл.
Пр. 161. Ростовцев. Studien zur Gechichte des römischen Kolonats. стр. 78.

ЦЕНА 63 РУБ.

Утвержд. Отд. печати за № 5144-а.